

МАЛЕКСАНДРА
МАРИНИНА

Обратная
СИЛА

Том второй 1965-1982

Обратная сила

Александра Маринина

Обратная сила. Том 2. 1965–1982

«Автор»

2016

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Маринина А.

Обратная сила. Том 2. 1965–1982 / А. Маринина — «Автор»,
2016 — (Обратная сила)

ISBN 978-5-699-91171-4

Считается, что закон не имеет обратной силы. Да, но только – не закон человеческих отношений. Можно ли заключить в строгие временные рамки родственные чувства, любовь, дружбу, честь, служебный долг? Как определить точку отсчета для этих понятий? Они – вне времени, если речь идет о людях, до конца преданных своему делу. «Между тем всякие психологические задачи труднее решать, нежели физические, потому что деятельность человека не чисто рефлекторная, и как элемент в них входит тот Х, который одними называется свободным произволом, а другими – способностью противопоставлять внешним мотивам те неисчислимы сонмы идей и представлений, которые составляют содержание нашего сознания». Из защитительной речи В. Д. Спасовича.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-91171-4

© Маринина А., 2016
© Автор, 2016

Содержание

Часть вторая	6
Глава 1	6
1968 год	16
1970 год	17
1973 год	21
Глава 2	27
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Александра Маринина

Обратная сила. Том 2. 1965–1982

© Алексеева М. А., 2016

© ООО «Издательство «Э», 2016

* * *

Часть вторая

Между тем всякие психологические задачи труднее решать, нежели физические, потому что деятельность человека не чисто рефлекторная, и как элемент в них входит тот X, который одними называется свободным произволом, а другими – способностью противопоставлять внешним мотивам те неисчислимые сонмы идей и представлений, которые составляют содержание нашего сознания.

Из защитительной речи В. Д. Спасовича в судебном процессе по делу об убийстве Нины Андреевской

Глава 1 1965 год

– Вы верите в Бога?

Светлые глаза в обрамлении сетки мелких морщинок смотрели на Орлова со спокойным любопытством, чуть выжидательным, но нисколько не тревожным.

– Ну что вы, – с облегчением улыбнулся Орлов, – как можно! Мы все атеисты. Бога нет, это общеизвестно.

Женщина вздохнула и легким быстрым движением коснулась кончиками пальцев края маленькой изящной шляпки.

– Вероятно, вы намного образованнее меня, – произнесла она с едва заметной улыбкой, – поэтому и знаете точно, есть Бог или нет. А я вот, изволите ли видеть, как-то привыкла с детства думать, что он есть. Именно поэтому я и пришла к вам.

Орлов озадаченно сдвинул брови.

– Я не понял...

Он действительно не понимал. Эта приятная немолодая дама, представившаяся переводчицей, приехавшей с французской делегацией на Московский кинофестиваль, находилась в его комнате уже двадцать минут, а цель ее визита так и оставалась для Орлова неясной. Именно в комнате, а не в квартире, ибо квартира была коммунальной. Слава богу, малонаселенной, всего три семьи, и у каждой по большой, метров по 35–40, комнате. Но все равно, квартира не была отдельной, и от этого Орлов немного стеснялся перед иностранной гостьей. В коммуналках жили очень многие, в этом не было ничего особенного и постыдного, а Орлов даже гордился их с женой комнатой, такой уютной, обставленной старинной мебелью, с красивыми шторами и светильниками, с массивным деревянным письменным столом и двумя мягкими кожаными креслами – для хозяина и для посетителя. Адвокат Александр Иванович Орлов и его супруга, юрист на предприятии, имели репутацию людей общительных и гостеприимных, и за стоящим в центре комнаты раздвижным овальным столом частенько собирались весьма приятные и оживленные компании коллег и друзей, то и дело восклицавших:

– Как же у вас тут хорошо! Прямо покой на душу нисходит в вашей комнате!

Александр Иванович в этих случаях обычно скромно улыбался и выразительно кивал на жену, хорошенькую, аппетитно-полненькую и необыкновенно живую и энергичную Люсеньку.

– Это не моя заслуга, – говорил он с улыбкой, – это все Люсенька, умеет она уют создать, настоящая хранительница семейного очага.

А Люсенька в ответ на эту реплику весело хохотала, звонко чмокала Орлова в щеку и неслась на кухню за очередным блюдом. Жену Александр Иванович любил искренне, сыном Борькой был более чем доволен, посему семьей своей имел все основания гордиться. И жили-

щем своим гордился, ведь оно было не просто красивым, но еще и непохожим на подавляющее большинство квартир и комнат того времени: никакой современной полированной мебели на тонких, того и гляди грозящих подломиться ножках, никаких эстампов и чеканок на стенах – только живопись, багеты, фотографии в хороших рамках. И сам он, адвокат Орлов, вполне под стать своему жилищу выглядел – высокий, крупный, даже несколько полноватый, с густыми серебряной седины волосами и ухоженной окладистой бородой, ни дать ни взять – настоящий судебный защитник девятнадцатого века! Борода, однако, была не данью имиджу, а осознанной необходимостью: прошедший всю войну Александр Орлов вернулся с фронта с неизгладимо обезображенным лицом, всю нижнюю часть которого, от крыльев носа до кадыка, покрывали грубые шрамы и ожоги. Из-за бороды его и в милицию не взяли после окончания университета. Сказали, мол, не может советский офицер, носящий форму, быть в бороде, не по уставу это...

Прозвучали три звонка, и, открывая входную дверь, Орлов был уверен, что пришел очередной посетитель, клиент, которого адвокат ждал сегодня, но, правда, только через час... Что ж, бывает, ничего страшного, человек в тревогах и волнениях время перепутал. Или кто-то, узнав у знакомых адрес «хорошего адвоката» и дни, когда он работает не в консультации, а принимает на дому, решил явиться без предварительной договоренности, наудачу. И такое тоже случается.

Увидев незнакомую хорошо одетую немолодую даму, уверился в своих предположениях, доброжелательно улыбнулся и, ничего не спрашивая, проводил в комнату, привычно ожидая, что она, как и все, кто попадал сюда впервые, начнет восхищенно осматриваться и одобрительно кивать. Дама явно «старорежимная», уж кто, как не она, сможет оценить...

Но дама и не думала оглядываться по сторонам и рассматривать обстановку. Взгляд ее был прикован к лицу Орлова.

– Присаживайтесь, – Александр Иванович указал гостье на кресло для посетителей, сам же занял место за письменным столом. – Я внимательно вас слушаю. Что у вас случилось?

Дама тихонько вздохнула. Сидела она очень прямо, на самом краешке кресла. Каким-то неведомым Орлову образом на ее сером костюме – прямая узкая юбка и короткий элегантный пиджак – не образовалось ни единой складки, словно костюм этот «строили» на сидящей фигуре. «Индпошив, наверное, – мелькнула у него в голове неуместная какая-то мысль. – У хорошего портного шьется».

– Вы – Александр Иванович Орлов, – не то спросила, не то констатировала посетительница.

– Ну, вы же ко мне пришли, – развел руками Орлов. – Стало быть...

– Ваша матушка – Ольга Александровна Орлова, урожденная Раевская, старшая дочь Александра Игнатьевича Раевского, расстрелянного чекистами в девятнадцатом году?

В груди у Орлова мгновенно возникла страшная черная дыра, в которую, как в воронку, стали засасываться спокойствие и способность здраво воспринимать и оценивать окружающую действительность. Надо взять себя в руки, надо... Ничего особенного не происходит, ну подумаешь, дворянские корни, кто их сейчас боится, не тридцатые же годы... Ну и пусть, пусть...

– Да, совершенно верно.

Он сам удивился, насколько спокойно, оказывается, звучит его голос.

– Мама умерла от дифтерии, когда мне было чуть больше годика, – зачем-то добавил он. – Я ее не помню. Меня растил отец.

«Открещивайся, открещивайся, – шептал откуда-то из глубины той страшной черной дыры явственный тревожный шепот, – отказывайся от всего. Может быть, твой дед Александр Раевский, известный криминалист, и оказался контрреволюционером, не зря же его расстреляли, но к тебе это не имеет никакого отношения, ты в то время еще не родился. А твою мать не тронули, значит, к ней у власти претензий не было, Ольга Александровна еще с Первой мировой работала в госпиталях, выхаживала русских солдат. Тебя растил только отец, Иван

Степанович Орлов, рабочего происхождения, выбившийся в инженеры, достойный человек, настоящий строитель коммунизма, партиец, имеющий безупречную советскую биографию. На это напирай. А что он женился на дворянке, да еще наполовину немке, так ты, Саша Орлов, ее не помнишь и знать ничего не знаешь. Ты знал всю жизнь только отца и его родню, они тебя воспитывали, про них ты можешь рассказывать бесконечно. А мать уже к моменту замужества была почти совсем одна, все, кроме деда, Александра Раевского, эмигрировали, и про эту ветвь ты ничего не знаешь...»

– Конечно, конечно, – кивнула гостя. – Я знаю. Мне стоило немалых усилий вас найти, в ходе этих изысканий я многое узнала о вашей семье, так что более или менее в курсе. Я представляюсь, с вашего разрешения: Анна Юрьевна Коковницына. Разумеется, в течение жизни по ходу моих замужеств фамилию приходилось менять, но теперь все это в прошлом, и я снова ношу то имя, с которым родилась. Некоторое время назад я поняла, что мне необходимо разыскать потомков рода Гнедичей, поиски были сложными, но в итоге они привели меня к вам.

– Гнедичи? – Изумление адвоката Орлова было совершенно искренним: это имя он слышал впервые в жизни. – А кто это? Какое я имею к ним отношение?

– Самое прямое, – гостя улыбнулась. – Ваша прапрабабка – младшая дочь Гнедичей, вышла замуж за графа Раевского. У нее были два старших брата, но потомства они, увы, не оставили. Посему Раевские – единственные кровные потомки рода Гнедичей. А на сегодняшний день остались только вы. Судьбы остальных Раевских сложились, к сожалению, не так благополучно, по крайней мере, разыскать их мне пока не удалось. Благодаря моему последнему мужу меня хорошо знают в советском посольстве во Франции...

– Во Франции?! – непроизвольно вырвалось у Орлова.

Так она еще и иностранка из эмигрантов! Только этого не хватало...

– В Париже, – кивнула Коковницына. – Моя семья уехала из России в семнадцатом году, после первой революции, но еще до второй. Так вот, как только создали общество советско-французской дружбы, я сразу стала активно там работать, поэтому советское посольство и в особенности атташе по культуре меня хорошо знали. Эти знакомства позволили мне обращаться с просьбами по розыску Раевских. Конечно, дело двигалось не быстро, но, в конце концов, увенчалось успехом. Тот же атташе по культуре помог мне добиться поездки в Москву в качестве переводчицы при французской делегации.

«Зачем? – тут же подумал Орлов, по профессиональной привычке выискивающий нелогичности и несостыковки в том, что ему рассказывают. – Если у тебя такие хорошие связи в советском посольстве во Франции, ты могла бы просто запросить визу как туристка, тебе бы не отказали. Темнишь ты, бабка Коковницына».

Вероятно, тень недоверия все-таки промелькнула по его лицу и от посетительницы не укрылась, потому что Анна Юрьевна едва заметно улыбнулась.

– Вы можете спросить, почему я не попыталась приехать в Советский Союз в качестве обычной туристки. Если у меня столь крепкие связи в посольстве, то в визе мне не отказали бы. Зачем мне нужно было устраиваться переводчицей при делегации?

«Умна, старая карга», – одобрительно хмыкнул Александр Иванович про себя. Почему-то в этот момент ему стало легче.

– И почему же?

– Деньги, голубчик, – ответила Анна Юрьевна с обезоруживающей прямоотой. – Для меня такая поездка за свой счет – непозволительная роскошь. Боюсь вас разочаровать, но скажу сразу: я не богата и мы с вами не родственники, поэтому если у вас и мелькала мысль, что объявилась богатая тетушка из Франции, намеревающаяся оставить вам наследство, то вам придется с этой мыслью распрощаться.

Орлов пожал плечами.

– Уверяю вас, подобные мысли меня не посетили. Так чем могу быть вам полезен, уважаемая Анна Юрьевна? Для чего вы прилагали столько усилий, чтобы найти меня?

Она помолчала, и Орлов чувствовал, как внутри него снова оживает и начинает вибрировать та самая черная дыра.

– Вы верите в Бога?

* * *

...Дед Анны Юрьевны, граф Михаил Коковницын, женился поздно, до сорока с небольшим лет занимаясь преимущественно тем, что вполне успешно проматывал семейное состояние, без счета тратя деньги на жизнь за границей в обществе многочисленных девиц и не помышляя о семейных узах и продолжении рода. Обнищавшему графу, не сделавшему карьеру на государственной службе и достигшему зрелых лет, не оставалось ничего иного, как жениться на богатом приданом. Девицу из дворянской семьи в этом браке ничто прельстить не могло бы, равно как и ее родителей, а вот межсословные браки во второй половине девятнадцатого века стали распространяться все шире, и теперь дворянину можно было, не нарушая приличий и не вызывая в свете особых пересудов, жениться на дочери заводчика, фабриканта или даже купца, взяв за ней очень неплохие деньги и одарив, в свою очередь, титулом графинюшки. Молодая графиня Коковницына сразу же осчастливила мужа первенцем Юрочкой, и Михаил Аристархович, впервые став отцом в сорок два года, на шестьдесят седьмом году жизни уже с умилением посматривал на беременную невестку, ожидая рождения внука или внучки.

Тяжелая болезнь, как это часто бывает, свалила старика неожиданно, а приближение конца граф почувствовал как раз в тот день, когда послали за повивальной бабкой: невестке, жене Юрия, подошло время родить. Юрия от женских комнат прогнали, и он сидел у постели умирающего отца, одновременно горюя по родителю и тревожась за роженицу. Именно тогда Михаил Аристархович попросил сына открыть потайную дверцу в книжном шкафу и достать оттуда простую деревянную коробку из-под сигар, которую Юрий ни разу до того времени не видел. Последней просьбой умирающего было передать коробку Раевским, соседям Коковницыных по имению в Калужской губернии. Коробка без замка, самая обыкновенная, со скромной инкрустацией. Внутри Юрий, полюбопытствовав, обнаружил только сложенный вчетверо листок бумаги, старинные часы на цепочке и большого размера кольцо, явно мужское, с черным камнем, по виду не дорогое. Он собрался было спросить, что все это означает и зачем передавать коробку Раевским, но тут отец начал хрипеть и через несколько секунд испустил последний вздох, а еще через минуту со стороны женских комнат послышались душераздирающие крики. ... Надо ли объяснять, что Юрию Коковницыну стало совсем не до коробки и ее содержимого. О предсмертной просьбе Михаила Аристарховича молодой граф долгое время вообще не вспоминал, очертания того дня, когда умер отец и родилась дочь Анна, утратили четкость и определенность, слившись в единое пятно страшного напряжения и тревоги. Две самые любимые женщины Юрия тяжело и долго болели: мать – после смерти мужа, жена – после трудных родов, и все мысли графа были только о них и о крошечной дочери. А в Бога он не верил, ибо был ярким сторонником материализма и втайне от семьи спонсировал революционную газету и финансово поддерживал революционное движение, посему понятие «последняя просьба умирающего» для него никакой ценности не имело и моральных обязательств не налагало.

С годами граф Коковницын в идеях революции разочаровался. Когда весной 1917 года приняли решение уехать во Францию, во время сборов обнаружилась та самая коробка. Ее упаковали вместе с остальными вещами: не до раздумий было, да и не до поисков Раевских, о которых Коковницыны уже много лет ничего не слышали, ибо имение в Калужской губернии давным-давно было промотано Михаилом Аристарховичем, и ни его супруга, ни тем более сын

там никогда не бывали. Да и о каких именно Раевских шла речь, Юрий Михайлович совсем не представлял: этот дворянский род был старинным, имел множество ветвей, потомки которых жили и в Москве, и в Санкт-Петербурге, и в Харькове, и в Нижнем... да где только они не жили! Разумеется, можно было бы тотчас выяснить, чьи имения находились по соседству с имением Коковницыных под Калугой лет примерно пятьдесят назад, но в горячке сборов и предотъездных тревогах и хлопотах кто станет терять время на эдакую безделицу, как коробка с инкрустацией...

Итак, коробка оказалась во Франции, где Юрий Михайлович наконец поведал о ней дочери Анне. Но за давностью лет все это казалось неважным и не имеющим смысла. Просто вещь, коробка, как память о предках. Не выбрасывать же... Пусть стоит. Конечно, лежавший в коробке листок бумаги был прочитан, но ни малейшей ясности не принес: просто отрывочные фразы, словно набросок не то письма, не то монолога, не то дневниковой записи. «На Достоевского похоже», – отметила Анна, аккуратно складывая листок по линиям сгиба и снова закрывая коробку.

Жизнь Коковницыных в эмиграции складывалась трудно, болезни, унижения, нищета и несчастья преследовали их, и только годам к пятидесяти пяти Анна Юрьевна смогла, казалось бы, перевести дух: позади осталось много горя, но впереди ничего плохого уже не ждет. Первый муж умер от сердечного приступа, первый ребенок – от тяжелой пневмонии, второй муж погиб во время войны, участвуя в Сопротивлении, второй сын, подросток, был убит немцами в ходе рядовой облавы, но осталась дочь, здоровая красивая девушка, умненькая, как казалось Анне Юрьевне, и хорошо воспитанная. Глядя на нее, пятидесятипятилетняя Анна Юрьевна думала: «Теперь все будет хорошо, девочка выйдет замуж по большой любви, родит деток, и остаток жизни я проведу в покое».

Встретив хорошего порядочного человека, Анна Юрьевна в пятьдесят шесть лет вышла замуж в третий раз, искренне полагая, что теперь до конца жизни будет вести тихое существование рядом с любимым и радоваться за дочь. Ничего большего она у судьбы не просила. Однако и эти светлые и весьма скромные ожидания не оправдались. Муж бросил ее, влюбившись в совсем молоденькую красавицу. А в дочь словно бес вселился: советов матери и ее увещаний слушать не хотела, личную жизнь вела совершенно беспорядочную, выскочила замуж за какого-то пьющего подонка, который обобрал Коковницыных до нитки и исчез, оставив молодую жену с неизлечимо больным ребенком на руках. Хуже того: отношения с дочерью испортились окончательно, и теперь Анна Юрьевна осталась совсем одна. Дочь отдала больного сына в приют и исчезла из Парижа, не соизволив сказать матери, куда и надолго ли. Сперва Анна Юрьевна ждала свою девочку каждый день, уверенная, что та вот-вот одумается и вернется, они вместе заберут ребенка домой и станут жить втроем, помогая и поддерживая друг друга. Она обошла все приюты Парижа в надежде самой найти внука и вернуть его, но не преуспела и поняла, что дочь увезла младенца в какой-то другой город и просто подбросила, оставила на ступеньках либо церкви, либо приюта. Естественно, без документов. Так что отыскать малыша, не зная хотя бы приблизительно, в каком он городе, просто невозможно.

Прошел год. За ним другой. Дочь не возвращалась. Не присылала писем. Не звонила. Казалось, она вообще забыла о том, что у нее есть мать и сын. И вот тогда Анне Юрьевне Коковницыной пришла в голову мысль, что все это неспроста. Либо она сама, либо кто-то из ее семьи грубо попрал божеские законы, и до тех пор, пока это не будет исправлено, мир и покой не наступят ни в ее душе, ни в ее жизни.

Много дней и ночей провела Анна Коковницына в воспоминаниях, перебирая по крупинам всю свою жизнь, в попытках понять: что она сделала не так? В чем ошиблась? Где оступилась? Может быть, предала кого-то и не заметила, не поняла этого? Может быть, обидела и не попросила прощения? Возможно, невольно обманула, хотя бы и из самых лучших побуждений? Много чего вспомнила Анна Юрьевна, за что сейчас ей становилось стыдно, но, честно

сказать, было все это мелким, сиюминутным и никак не стоящим тех огромных потерь, которые она понесла.

О коробке деда Михаила Аристарховича она вспомнила далеко не сразу. Но когда вспомнила – ощутила болезненный толчок в грудь и мгновенно поняла: вот оно! Оно, то самое. Неисполненная последняя просьба умирающего. Не по-божески это. Ее-то, Анны, вина не так уж велика, ведь о просьбе деда она узнала только в Париже спустя много лет после его смерти. А вот отец... Его вина перед Богом куда значительнее. И в результате разрушена жизнь дочери Юрия Коковницына, умерли двое из троих ее детей, оставшийся в живых ребенок пошел по кривой дороге и пропал невеста где, внук неизлечимо болен и влачит жалкое существование в неизвестно каком приюте... Сыновей не вернуть, что бы Анна Юрьевна ни делала, но, может быть, есть возможность спасти дочь и внука, если исправить ошибку и заслужить прощение и милость Божию...

* * *

Рассказывала Анна Юрьевна кратко, сжато, без лишних подробностей. Ровно столько, сколько необходимо, чтобы объяснить свой визит. В конце рассказа раскрыла сумочку, которую ранее поставила на пол возле кресла, достала маленький пакетик и протянула Орлову.

– Здесь записка, часы и кольцо. Коробку, уж простите, не повезла, она тяжелая, из цельного дерева, да и место в чемодане занимает. При досмотре непременно начали бы спрашивать, для чего я везу в Россию такую коробку, а если бы я заявила, что собираюсь ее кому-то передать... Ну, вы сами все не хуже меня понимаете. Да и ценности в ней никакой нет – самая обыкновенная сигарная коробка.

Орлов с сомнением глядел на аккуратный пакетик, боясь притронуться к нему руками.

– И... Зачем мне это? Что я должен с этим сделать?

– Ровно ничего, – улыбнулась Коковницына. – Он просто должен быть у вас как у последнего представителя рода Раевских. Или у ваших детей. Но это уже на ваше усмотрение. Вы вольны делать с этим все, что пожелаете, хоть на помойку снести. Можно, например, в музей какой-нибудь отдать. Можно в самый дальний угол засунуть. Для меня главное – вернуть это вам. Судя по тому, что мой дед упоминал Раевских как своих соседей по имению, а имение ушло с молотка примерно лет сто назад, часы и кольцо могут представлять определенную ценность для коллекционеров настоящего антиквариата, так что, вполне возможно, вы сможете выручить за них немалые деньги. Да, и еще одно: если станете читать записку, то постарайтесь обращаться с ней аккуратнее, бумага уже хрупкая, может от неосторожного движения рассыпаться.

Она встала и направилась к двери.

– Может быть, чаю? – запоздало спохватился несколько оторопевший Орлов.

Коковницына улыбнулась.

– Благодарю вас, не нужно. Мне пора. Спасибо, что уделили внимание и выслушали. Если я заняла ваше время, предназначенное для приема клиентов, я готова оплатить как консультацию...

– Да бог с вами! – замахал руками Александр Иванович. – Что вы такое говорите?!

Анна Юрьевна смотрела на него спокойно и чуть иронично.

– В Бога не верите, но и не поминать его не можете, – с легкой усмешкой проговорила она. – Это называется диалектикой, да?

Закрыв дверь за гостьей, Орлов вернулся к себе, снова уселся за стол и осторожно раскрыл пакетик. Пальцы подрагивали.

Кольцо. Обыкновенное, ничем не примечательное, ни особой ювелирной работы, ни крупного бриллианта. Слишком массивное и грубоватое для того, чтобы украшать женскую

ручку. Да и камень черный, непрозрачный. Значит, мужское. Тщательно начищенное, видно, Анна Юрьевна постаралась. Взяв лупу, Александр Иванович разглядел монограмму в затейливой вязи: «ГГ». Одна «Г» наверняка означает «Гнедич», вторая – инициал имени владельца.

Такая же монограмма обнаружилась и на корпусе часов, столь же тщательно вычищенных.

Теперь записка. Почему-то именно ее Орлов боялся больше всего. Коковницына предупреждала, чтобы был аккуратным. Четкие красивые буквы, ровные строчки. «Про такой почерк криминалисты говорят: выработанный», – нехстати подумалось адвокату.

Демоны окружили меня...

Душу мою требуют...

Все мы – рабы своих грехов, и нет у нас будущего...

Петуху голову отрубили...

Я не хочу смотреть...

Но я должен...

Демоны, душа, грехи... «Бред сумасшедшего», – решительно вынес приговор Александр Иванович, сложил записку и вместе с часами и кольцом сунул в ящик стола. Потом снова вспомнил предупреждение французской гостыи, сходил к соседям, выпросил пустую картонную коробочку – пачку из-под папирос, поместил в нее записку, ящик стола запер на ключ.

«Зачем я это делаю? – тоскливо вопрошал он сам себя. – Выбросить – и все. И забыть. И никому не рассказывать. Кольцо и часы можно оценить, чтобы примерно представлять стоимость, мало ли как жизнь повернется, а вдруг деньги срочно понадобятся? От записки же никакого толку».

Он открыл замок, выдвинул ящик, нащупал папиросную коробку и направился в кухню, где стояло ведро для мусора. Но, не дойдя до ведра нескольких шагов, повернул назад. Уже в комнате открыл коробку, прикоснулся кончиками пальцев к сложенному листку. Закрыв крышку...

Вечером с работы придет Люсенька, он ей все расскажет. Люсенька, легкая, веселая, энергичная оптимистка, не склонная к рефлексии, наверняка скажет, что Орлов прав и записку хранить незачем, сама же ее и выбросит. А у него рука не поднимается.

«Я был уверен, что все осталось позади и мне больше не придется об этом вспоминать. Все шло так хорошо, так гладко... И вот явилась эта парижская старуха...»

* * *

Вечером он рассказал Люсе все подробно и показал то, что принесла Коковницына. Реакция жены оказалась для Орлова полной неожиданностью.

– Неужели тебе самому не интересно? – спросила она с горящими от возбуждения глазами.

– Ни капельки не интересно, – признался Александр Иванович.

– Но ты хотя бы знал, что твой дед был известным криминалистом? – допытывалась она. – Ты никогда об этом не рассказывал.

– Понятия не имел. Я знал только, что до революции он служил по полицейскому ведомству, а в девятнадцатом году был расстрелян по подозрению в контрреволюционной деятельности, но через несколько месяцев после его смерти выяснилось, что произошла ошибка, и на судьбе моей матери эта история никак не отразилась, а спустя несколько лет мама и сама умерла. Все. Больше мне ничего не известно.

– Господи! – Люся схватилась за голову. – Ну почему, почему ты не расспросил эту Анну подробнее?! Ведь она же сказала, что собирала сведения о твоих предках, чтобы тебя найти. Она наверняка знает много интересного! И она бы с удовольствием тебе все рассказала, тебе стоило только спросить... Саша, ну как же так? Я тебя не узнаю.

«Я испугался, – мысленно ответил ей Орлов. – Я струсил. Я не хотел об этом вспоминать и уж тем более не хотел говорить об этом с незнакомым человеком. Мне не нужны эти предки, мне не нужна эта чужая жизнь, мне ничего этого не нужно! Оставьте меня в покое и дайте жить своей жизнью».

Но вслух сказал, разумеется, совсем другое.

– Люсенька, она иностранка, пришла в наш дом без предупреждения, без предварительной договоренности, без приглашения. Сейчас, конечно, не сталинские времена, но все равно... У меня на три часа назначена встреча с клиентом, я рассчитывал, что успею к ней подготовиться, а в два часа вдруг она является! Мне нужно было закончить разговор с Анной побыстрее и еще поработать с документами. Нет-нет, милая, мне вся эта история нравится все меньше и меньше. Зачем нам с тобой разговоры о моих дворянских предках, да еще контакты с иностранцами? Сразу найдутся активные доброжелатели, которые начнут звонить во все колокола и писать во все инстанции. В итоге меня выпрут из коллегии, да и из консультации могут запросто уволить. Я-то ладно, не пропаду, а вот на тебе может отразиться очень болезненно, ты же кандидат в члены партии, у тебя кандидатский стаж скоро заканчивается, да и на Борьке потом может сказаться... Кстати, когда мы к нему поедem? А то я соскучился уже!

Орлову казалось, что он весьма ловко перевел разговор на сына, которого на первые два летних месяца отправили на дачу к друзьям, где Борька весело проводил время в компании своих ровесников. На август планировалась поездка на море втроем. Такая хорошая, спокойная, отлаженная жизнь, перспективы, планы... Ну зачем, зачем Орлову это чужое прошлое, скучное и ненужное!

* * *

Людмила Анатольевна Орлова работу свою не особо любила, хотя выполняла ее добросовестно и вполне успешно. Составляла акты, писала претензии, заявляла иски и представляла интересы своего предприятия в арбитражном суде. Будучи студенткой юридического факультета, звезд с неба не хватало, а когда нужно было выбирать специализацию, написала заявление на кафедру уголовного права, ибо именно эта отрасль права казалась ей самой интересной. Однако желающих специализироваться в области уголовного права оказалось намного больше, чем допустимая численность группы, и Люсе отказали, предложив выбрать другую кафедру, менее популярную среди студентов. Она выбрала гражданское право. Что ж, ситуация вполне понятная: высшие учебные заведения должны готовить специалистов для всего народного хозяйства, и что же это получится, если все студенты будут хорошо знать только уголовное право? Стране не нужно такое количество следователей и прокуроров для борьбы с уголовной преступностью, стране нужны юристы на предприятиях и в государственных органах, то есть те, кто владеет знаниями в области гражданского, семейного, трудового, административного, земельного и финансового права.

Неунывающая и энергичная Люсенька, на третьем курсе вышедшая замуж за пятикурсника-фронтовика Саню Орлова, на судьбу жаловаться не собиралась, распределение на должность юрисконсульта завода не оспаривала и честно принялась осваиваться в профессии. Толковая, с хорошей памятью и быстрым, цепким умом, она довольно скоро не только усвоила азы, но и обратила на себя внимание начальства. Ее хвалили, поощряли, ставили в пример. Юриста Орлову любили даже судьи арбитражных судов, потому что она никогда не теряла ни присутствия духа, ни хорошего настроения и, каким бы ни оказывалось судебное решение,

никогда не забывала, очаровательно улыбаясь, искренне поблагодарить суд и представителей процессуального противника.

– Не понимаю, – сказала ей как-то начальница – руководитель юридического отдела завода, – почему тебя с твоими мозгами не взяли на кафедру уголовного права? Ты же не могла плохо учиться!

– Я училась хорошо, – весело кивнула Люсенька, – но была плохой студенткой. В общественной работе не участвовала, комсомольские собрания игнорировала, меня в то время больше мальчишки интересовали. Ну, сами понимаете, восемнадцать лет, в мягком месте ветер – в поле дым. Замуж вышла рано, надо было семейный очаг строить, гнездо вить, какая тут может быть общественная нагрузка? Недостойной оказалась, вот и не взяли.

Но любви к уголовному праву Люсенька Орлова не утратила и постоянно интересовалась тем, чем занимался ее муж. Самыми удачными она считала те дни, когда за работу в командировке ей предоставляли отгул и именно в этот свободный от работы день Александр выступал в процессе по уголовному делу. Люсенька приходила в суд, садилась в зале заседаний на последний ряд, доставала блокнот и тщательно все записывала, а потом вечером устраивала мужу допрос с пристрастием:

– А почему ты сказал именно так?

– А если бы ты про это не упомянул, судья мог бы изменить квалификацию?

– А почему ты не заявил ходатайство о повторном допросе этого свидетеля?

В ее вопросах не было упреков или желания поддеть. Она действительно хотела понять. Ей было интересно. Александр терпеливо разъяснял ей тонкости квалификации и механизмы действия различных процессуальных норм. Иногда, в особо сложных случаях, при подготовке к процессу он просил жену выступить в роли слушателя и зачитывал ей отрывки из будущей речи.

– Саша, почему ты не читаешь мне всю речь целиком? – спросила однажды Люсенька. – Времени жалко? Или думаешь, что я не пойму и не оценю?

– Ну что ты, милая, – улыбнулся Орлов. – Целиком написанная заранее речь – это нехорошо, это свидетельство низкой квалификации адвоката. В речи нужно не только сказать то, что считает нужным адвокат, но и ответить на аргументы прокурора, если есть что возразить. В конце девятнадцатого века был такой известный адвокат Урусов, так он почти каждое свое выступление начинал словами: «Я в своем возражении пойду шаг за шагом вслед за товарищем прокурора». Кроме того, необходимо проанализировать показания обвиняемого, свидетелей и потерпевших. Допустим, после допроса участников процесса у меня уже есть возможность написать заранее соответствующую часть речи. Но после выступления государственного обвинителя у меня этого времени, как правило, уже нет. И как же будет выглядеть, если адвокат, выслушав неизвестное ему до того момента выступление прокурора, вдруг достанет бумажку и начнет по ней зачитывать, не отрывая глаз? Это же дискредитация профессии! А сидящие в зале заседания люди что подумают?

– Одно из двух, – задумчиво кивнула Люсенька. – Либо адвокат работает по шаблону, лишь бы отбарабанить свое выступление и уйти, а судьба подзащитного ему безразлична. Либо он в сговоре с прокурором и заранее ознакомился с позицией обвинения. И то, и другое адвоката не украшает, но во втором случае еще и прокуратуру порочит. Саня, а раньше как было? Тоже так?

На следующий день Орлов принес домой давно пылившийся на полке в юридической консультации, где он работал, двухтомник «Защитительные речи советских адвокатов», где были опубликованы речи, произнесенные в судах в период с 1948 по 1956 год. Люсенька буквально вырвала книги из рук мужа, разве что победный клич не издала, и поздно вечером, закончив с домашними делами и уложив сына спать, уселась в кресле для посетителей, приготовила, по своему обыкновению, блокнот и ручку и открыла первый том.

В течение ближайшего месяца вечера супругов Орловых так и проходили: Люся читала в кресле, Александр Иванович листал толстые журналы и подремывал, лежа на диване, и сия мирная идиллия то и дело прерывалась Люсиным шепотом:

– С ума сойти! Ой, я не могу! Санечка, ты только послушай!

Она подсаживалась к мужу на краешек дивана и едва слышно, чтобы не разбудить Борьку, зачитывала особо впечатлившие ее фразы или даже целые абзацы.

– Зачем тебе все это? – улыбался Александр Иванович, с любовью глядя на жену.

– Не знаю, – пожимала плечами Люсенька. – Мне почему-то интересно.

– Может, тебе в аспирантуру поступить, пока возраст позволяет? – советовал Орлов. – В очную аспирантуру можно поступать до тридцати шести лет, позже – уже только заочная или соискательство, тебе будет трудно совмещать работу на заводе с работой над диссертацией. Подумай, милая, время еще есть.

– Да ну что ты! – отмахивалась Люсенька. – Что я буду делать в аспирантуре? Снова писать о штрафных санкциях за нарушения сортамента? Бррр! Мне и на заводе этого хватает.

– Но тебе же не обязательно писать диссертацию по гражданскому праву, – возражал Александр Иванович. – Подай документы в Институт прокуратуры, например. Там очень сильный сектор уголовного процесса, там сам Перлов работает! Выбери тему по адвокатуре, коль уж тебе так интересно вникать в речи адвокатов.

– Сам Илья Давыдович Перлов? – удивилась Люся, впервые услышав, что этот известный ученый-процессуалист, работы которого она читала, будучи студенткой, работает в Институте прокуратуры.

– Я тебе больше скажу, – хитро улыбнулся ее муж, – там еще и Строговича можно встретить, он хоть и в Институте государства и права трудится, но в Институте прокуратуры частенько бывает на ученых советах.

– Михаил Соломонович! – ахнула Люся, блестя глазами. – Слушай, мне всегда было жутко интересно, за что его гнобили до самой смерти Сталина? Что он такого сделал?

Орлов вздохнул. Выдающегося специалиста в области уголовно-процессуального права Михаила Соломоновича Строговича отлучили от научной и преподавательской деятельности за то, что он в одной из своих работ назвал английский уголовно-процессуальный кодекс наиболее демократичным. Вообще-то это была цитата из Энгельса, спорить с которым не полагалось, но разбираться не стали, и профессора быстренько обвинили в «космополитизме и низкопоклонстве перед Западом», в то время это была модная тема. Генетика, вейсманизм-морганизм, космополитизм – все из одной кучи. Мало того, прицепились даже к тому, что Михаил Соломонович настаивал: законы и формы мышления – это правила, которым мы должны следовать. Речь шла о возможностях процесса познания истины и, в конечном итоге, о доказывании и доказательствах, то есть о самом главном, что есть в уголовном процессе. Но и здесь усмотрели космополитизм и «формально-логический уклон». Господи, ну что плохого может быть в формальной логике?! Строговича отстранили от руководства кафедрой и даже поставили на партсобрании вопрос об исключении из партии.

К теме аспирантуры супруги в том разговоре больше не возвращались, но Орлов видел, что сама идея зацепила жену и постепенно пускала корни в ее голове. Недавно созданный Всесоюзный научно-исследовательский институт по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности при Прокуратуре СССР, для краткости именуемый всеми просто «Институтом прокуратуры», казался привлекательным, как все новое, и опасным, как все неизвестное. С 1949 года существовал ВНИИ криминалистики Прокуратуры СССР, потом к нему присоединили секторы уголовного права и уголовного процесса двух других крупных научно-исследовательских институтов – и родился в 1963 году тот самый Институт прокуратуры, в аспирантуру которого Орлов советовал поступать своей любимой жене.

А Людмила Анатольевна все больше увлекалась историей, от речей первой половины пятидесятих перейдя к выступлениям Спасовича, Урусова, Кони, искала труды Карабчевского и Слиозберга... Теперь улыбчивую любознательную жену адвоката Орлова знали во всех букинистических магазинах Москвы, а сам Орлов, получая от благодарного клиента очередной «микст» сверх оплаченного через кассу юридической консультации гонорара, непременно откладывал небольшую сумму в отдельный конвертик – Люсеньке на книги: букинистическая литература стоила не в пример дороже современной.

1968 год

– Ты представляешь, что я нашла!

Люсенька ураганом ворвалась в комнату. Орлов, сидевший за письменным столом и готовившийся к процессу, недовольно поднял голову: он не любил, когда его отвлекают.

– Я нашла еще одно упоминание о твоём предке Павле Гнедиче! Ты только послушай! Ну послушай же, Санечка, – жена уселась перед Орловым на стул, даже не сняв плащ, только туфельки скинула у самой двери.

Достала из портфельчика папку с завязками, вытащила оттуда несколько мелко исписанных листков.

– Я вообще сегодня так удачно поработала в архиве, дай бог здоровья Раисе Степановне, золотая женщина! Кстати, Саня, надо ее как-то отблагодарить, может, ты бы достал для нее билеты на Таганку или в Большой, а?

– Люсенька, мне нужно работать, – сердито отозвался Орлов. – Давай потом поговорим, а?

– Про билеты – хорошо, поговорим потом, а про Гнедича я тебе сразу прочитаю. Ну неужели тебе совсем-совсем не интересно? Это же твой предок!

– Люся, мы с тобой сто раз говорили об этом! Мои предки – Раевские, а не Гнедич. У Гнедича детей не было, и быть моим предком он никак не может. Я – потомок не Павла, а его родной сестры Варвары.

– Но это же все равно семья, – возразила Люсенька, быстро пробегая глазами по строчкам в поисках нужного места. – Нельзя отрекаться от семьи, Санечка. Вот, нашла. Это из переписки княгини Тверской-Болотиной с одним известным петербургским адвокатом. Судя по тону письма, у них был многолетний затяжной флирт, но это не важно... Вот, слушай: «Вчера на обеде у вас присутствовал молодой товарищ прокурора граф Николай Раевский, а ведь моя сестра Евгения когда-то в юности была увлечена его дядюшкой, князем Павлом Николаевичем Гнедичем. До сих пор улыбаюсь, когда вспоминаю один забавный эпизод из тех давних лет. Эжени неудачно упала с лошади во время верховой прогулки и сильно ушибла руку, настолько сильно, что не могла держать перо, и покуда ушиб не зажил, я писала для нее под ее диктовку. Однажды Эжени попросила меня написать от ее имени своей подруге, которая была близка с Варварой Николаевной Раевской. Впрочем, Варвара Николаевна тогда была еще Варенькой или просто Барбарой, месяца два-три как из-под венца. Эжени диктовала, я записывала, и мы так увлеклись, что не услышали, как кто-то встал у двери. Представьте, друг мой: Эжени говорит о своем интересе к Гнедичу, и тут вдруг появляется наша маменька! Не стану пересказывать вам все, что она говорила, но вы вполне можете себе это вообразить, ибо правила, касающиеся поведения девиц в конце сороковых годов, наверняка еще не истерлись из вашей памяти. Смею похвалить себя за то, что не растерялась и сумела незаметно от маменьки спрятать письмо, так что когда гроза миновала, Эжени его все-таки отправила адресату. Но чтобы вы могли в полной мере понять степень негодования, охватившего нашу маменьку, приведу лишь одну фразу, ту самую, на которой мы с сестрой оказались застигнуты на месте преступления: «Милая Катрин, не могла ли бы ты спросить у Барбары Раевской касательно ее брата

Павла Гнедича? В свете говорят, что он был помолвлен, но помолвка расторгнута. Я пыталась дознаться, отчего, по какой причине, но мне никто не говорит. Не влюблен ли он сейчас? Не болен ли неизлечимо? Не расстроены ли его доходы? Нет ли какой-то тайны, по причине которой он не может вступить в брак? Не стану скрывать, милая Катрин, молодой князь Гнедич занимает мои мысли...» Огромного труда нам с Эжени стоило убедить маменьку, что мы просто дурачились. Но когда первый испуг прошел, мы так долго хохотали с сестрой! И вчера, увидев у вас в доме племянника Павла Николаевича Гнедича, я так явственно вдруг вспомнила эти беззаботные часы веселья, которое свойственно одним лишь юным душам, не отягощенным печальными опытами жизни...» Ну, дальше там про другое, это уже не интересно.

Люся закончила читать и аккуратно сложила листки в папку. Орлов молчал.

– Ну что ты молчишь? – теребила она мужа. – Смотри, что получается: этот Павел Гнедич был помолвлен, потом вдруг разорвал помолвку и больше не женился. Почему? Что случилось?

– Почему ты решила, что он не женился? Он не оставил потомства, но это не значит, что он не был женат.

– Ну ладно, пускай, пускай он потом все-таки женился, но почему расторгнул помолвку? По тем временам это было не так просто, нужны были очень веские причины. Не зря же Эжени Тверская спрашивает, нет ли какой болезни или тайны? Просто так отказаться от помолвки было невозможно, я специально у Раисы Степановны спрашивала. Значит, там что-то произошло. Ну, Саня! Неужели тебе не хочется знать, что именно? А вдруг это связано с той запиской, часами и перстнем?

Орлов посмотрел на жену с ласковым порицанием, с каким обычно взрослые смотрят на излишне шаловливого, но обожаемого ребенка.

– Люсенька, что бы там ни случилось, но завтра я сажусь в большой и сложный процесс. Мне нужно подготовиться.

– Хорошо, – Люся со вздохом сунула папку в портфельчик. – Про билеты не забудешь? Для Раисы Степановны.

– Не забуду, – буркнул Александр Иванович, снова утыкаясь в бумаги.

1970 год

Люсенька так увлеклась историческими изысканиями и получала такое удовольствие от работы, что само написание диссертации прошло незамеченным. Просто вдруг – раз! – и оказалось, что осталось написать только введение и заключение. Завершилась, в конце концов, и долгая череда мытарств с оформлением документов и подготовкой к защите. Уже и дата защиты назначена, и вступительное слово написано, и ответы на замечания оппонентов подготовлены... И у Людмилы Анатольевны, сотни раз выступавшей в судах, вдруг начался мандраж. Одна только мысль о том, что нужно будет выйти, встать за трибуну и говорить в микрофон под устремленными на нее взглядами и членов Ученого совета, и присутствующих в зале, повергала ее в ужас.

– В суде – совсем другое дело, – говорила она мужу, – там я сижу за столом, выступаю с места, просто встаю, и все, никуда не выхожу. И в зале никого нет обычно. Только судья и юристы тяжущихся сторон. Это так кулуарно получается, что-то вроде междусобойчика, не страшно совсем. А тут – прямо театр с публикой.

Александр Иванович успокаивал жену как мог. Он понимал ее как никто.

– Хорошо тебе говорить, – продолжала жаловаться Люся, – ты в зале суда ведешь себя, как заправский актер, будто всю жизнь на сцене провел, и говоришь гладко и связно, не волнуешься совсем. А я от страха двух слов не свяжу. Повезло тебе, ты от природы такой, не боишься публичных выступлений.

От природы! Знала бы она... Сейчас действительно трудно поверить в то, что адвокат Орлов в детстве был весьма косноязычен, и ответ у школьной доски превращался для мальчика в пытку. Однажды бабушка, приятельствовавшая с его классным руководителем, усадила внука перед собой и сказала:

– Сейчас я расскажу тебе одну историю. Это история для взрослых, не детская, но ты уже достаточно большой, чтобы все понять. Было это давно, больше тридцати лет назад...

– Еще до революции? – уточнил он.

– Задолго до революции, – бабушка почему-то усмехнулась. – Но твой папа уже родился в то время. Так вот, жил в Полтаве один человек по фамилии Комаров...

...Комаров, секретарь Полтавской духовной консистории, был человеком жестким, прямолинейным и безжалостным. Реформатор по всему складу характера, он стремился обновить и реорганизовать и жизнь консистории, и в своей деятельности не знал ни снисхождения, ни компромиссов. О Комарове говорили, что он нетерпим к чужому мнению и равнодушен к чужим страданиям.

Надо ли сомневаться в том, что этого человека мало кто любил, зато многие ненавидели?

Была у Комарова еще одна особенность, заметно пополнившая стан его врагов: он был ярким противником разводов. А для получения развода в те времена необходимо было согласие Синода, и на согласие это самым прямым образом влияло мнение консистории, вернее, ее секретаря. Никаким иным способом расторгнуть церковный брак было невозможно, и вот появились в огромном числе особые стряпчие по бракоразводным делам, которые, имея «на прикорме» целую плеяду людей, готовых давать какие угодно показания и выступать свидетелями, довольно успешно доводили дело до официального развода. Для таких стряпчих, кормившихся гонорарами от жаждавших развода супругов, неумолимый и принципиальный секретарь консистории был острой костью в горле. Гонорары-то до пяти, а то и десяти тысяч рублей выходили, а это, по тем временам, было весьма солидно.

И вот в один прекрасный летний день Комаров, закончив к обеденному времени выполнение служебных обязанностей, направился к себе на дачу, благо идти было не так далеко. Он был счастливо женат, и любящая супруга всегда примерно в одно и то же время выходила встречать мужа к мостику через речку. Однако в тот день утром, отправляясь на службу, Комаров предупредил ее, чтобы в этот раз она его не встречала.

Женщина наказ мужа выполнила и мирно ждала его дома с готовым обедом. Когда к пяти часам вечера Комаров не пришел, она отправилась в Полтаву, в консисторию, узнать, не срочные ли дела задержали благоверного и когда ожидать его домой. Однако на службе Комарова не оказалось. Наутро, так и не дождавшись ни супруга, ни записки от него, жена вновь отправилась в консисторию. Там все уже были взбудоражены тем, что пунктуальный и четкий во всех проявлениях служебной деятельности секретарь до сих пор не появился в кабинете. Сообщили в полицию и всем консисторским составом двинулись на поиски.

К середине дня поиски увенчались успехом, но, увы, трагическим. Тело секретаря консистории обнаружили на опушке леса, примыкавшего к той тропинке, по которой Комаров должен был за пять минут дойти от мостика до дачи. Мостик секретарь перешел, тому и свидетели тотчас нашлись. А вот до дачи не дошел. Неуступчивый секретарь был найден с удавкой на шее.

Кто мог убить его? Да кто угодно! Мало ли врагов у такого человека? Убийцей мог быть кто-то из уволенных по инициативе секретаря или пониженных в должности служащих консистории, а было их – ох, как немало. Или кто-то, пострадавший от неудачи в бракоразводном деле. Или даже обыкновенные грабители-разбойники, во множестве появлявшиеся каждый год во время знаменитой Ильинской ярмарки, дабы поживиться тем, что выручат удачливые торговцы. Кроме того, следовало бы призадуматься над тем, что Комаров велел жене, против обыкновения, не встречать его в тот день. Почему? У него была назначена с кем-то встреча, которую он хотел бы сохранить в тайне даже от жены? С кем? Одним словом, поле для дея-

тельности сыскной полиции открывалось самое обширное, но... В тот момент, когда утром в консистории стало известно об исчезновении секретаря Комарова, эконома архиерейского дома пробормотал будто бы себе под нос, дескать, уж не братья ли Скитские к делу причастны... Степан и Петр Скитские были служащими консистории, и Комаров то и дело устраивал им выволочки, впрочем, равно как и всем, кто трудился под его началом.

Однако слово было не только произнесено, но и услышано. К вечеру того же дня, когда нашли труп, о братьях Скитских с уверенностью говорили уже по всему городу, а в речи, произнесенной епископом на похоронах Комарова, намек на виновность братьев прозвучал вполне явственно. Версия оказалась настолько удобной для всех, кроме самих несчастных Степана и Петра, что никого больше и искать не стали. И если в среде городских низов и интеллигенции крепло убеждение в том, что братья Скитские ни в чем не виноваты, то в городских верхах никакого иного мнения даже не рассматривали. Уволенные служащие или разошедшиеся супруги могли же оказаться людьми уважаемыми, нехорошо как-то выйдет, если вдруг выявится надобность их под суд отдавать. А разбойников – их ведь еще искать надо... Братья же Скитские – вот они, простые, незатейливые, оправдаться толком не могут, и виновность их в убийстве ничью репутацию не подрывает. Опять же, искать их не надо.

Арестовали братьев почти сразу, суд же состоялся спустя полгода. За эти полгода один полтавский журналист, писавший для «Губернских ведомостей», свел знакомство с недавно вернувшимся в город господином Ливиним, местным уроженцем, служившим начальником Сахалинской каторжной тюрьмы. Ливин, человек, приятный во всех отношениях, много и охотно рассказывал о Сахалине и об отдельных каторжане, а также о визитах в те края писателя Чехова и очеркиста Дорошевича, сетовал на то, что в их опубликованных описаниях далеко не все подано так, как было на самом деле... И среди прочего поведал, что его красавица-супруга там, на Сахалине, сошлась с одним богачом, бросила Ливина и вместе с новым избранником приехала в Полтаву, откуда родом ее муж, дабы добиться развода. Развода, само собой разумеется, она не получила: секретарь Комаров твердо стоял на своих позициях, и никакие деньги, даже самые внушительные, предложенные богатым «будущим женихом», не смутили его душевный покой. Комаров лично (хотя это вовсе не входило в его обязанности) передпросил всех заявленных стряпчим свидетелей и нашел их показания ложными. Женищина впала в ярость и заявила Ливину: «Я никому не прощаю посягательств на мое счастье, я ему отомщу, уничтожу его, а другой сговорчивей будет».

Услышав эту печальную повесть, сотрудник газеты немедленно свел нового знакомого с Моисеем Зеленским, взявшим на себя защиту братьев Скитских на суде. И вот настал тот день, когда Ливина вызвали в судебное заседание для дачи показаний. Но, к огорчению защиты, человек, так свободно и красноречиво рассказывавший свою историю, сидя в удобном кресле и видя перед собой лишь одного собеседника, совершенно растерялся при большом скоплении народа и в осознании важности момента. Он мямлил, говорил невнятно и тихо, председательствующий никак не мог взять в толк, зачем вызвали этого свидетеля и какие факты он пытается донести до судей. Одним словом, такая живая и убедительная версия убийства услышана не была.

Выездная сессия Харьковской судебной палаты, слушавшая дело, братьев Скитских оправдала. Но полтавская правоохранительная власть не успокоилась, ведь если Скитские не виновны, стало быть, преступление не раскрыто и надобно искать других убийц. Искать не хотелось. Куда проще было сфальсифицировать новые доказательства, что и было немедленно сделано. Недавно выпущенных на свободу Скитских снова арестовали. Во второй раз несчастных братьев судили уже в Харькове и признали виновными, приговорив к двенадцати годам каторжных работ. Адвокаты подали кассационную жалобу, и Сенат в Петербурге принял решение отменить обвинительный приговор и рассмотреть дело еще раз. В третий раз судила их

Киевская судебная палата, выехавшая для проведения заседаний в Полтаву, и Скитских снова оправдали, на этот раз уже окончательно.

Длилось все это три года. Три года жизни отнято у двоих безвинных мелких служащих, обыкновенных полтавских мужиков, за которых некому было заступиться. А ведь если бы Ливин не растерялся на суде, если бы сохранил способность внятно и красочно излагать без волнения и страха, если бы он был услышан судьями, то все могло бы сложиться иначе...

Бабушка рассказывала не торопясь, с яркими подробностями, и мальчику казалось, что он сам присутствует в том переполненном зале суда, своими глазами видит братьев-подсудимых, собственными ушами слышит невнятное бормотание Ливина и всем своим чистым детским сердечком переживает и страдает, потому что нужные и правильные слова никто не слышит, никто не обращает на них внимания.

– Ты, может быть, думаешь, что не собираешься становиться артистом или адвокатом, и умение не теряться и говорить на публике тебе не пригодится, – закончила бабушка. – Но я специально рассказала тебе эту грустную историю, чтобы ты понимал: от этого умения может в один прекрасный день встать в зависимость судьба человека и даже его жизнь. И не имеет значения, какая у тебя профессия. Ты можешь быть крестьянином, врачом, инженером, чиновником, да кем угодно. Но если ты человек великодушный и милосердный, если тебе небезразличны другие люди, ты обязан уметь говорить так, чтобы тебя слушали и слышали...

... – Ничего себе, – протянула Люся. – Вот это история! Откуда твоя бабушка про нее узнала? Разве она из Полтавы?

– Бабушка из Твери, – привычно солгал Орлов, – но об этом деле много писали и тот же Влас Дорошевич, и никому в то время еще не известный Леонид Андреев, он тогда для «Курьера» работал, они присутствовали на третьем суде. Странно, что ты не читала о деле братьев Скитских, ты же столько литературы перелопатила.

– Не мой период, – ответила жена, – я же вокруг реформ шестьдесят первого – шестьдесят четвертого годов крутилась. Про период с начала царствования Александра Второго и до тысяча восемьсот восьмидесятого года, кажется, все, что можно, прочитала. А на рубеж веков не выходила. Саша, а ты долго учился выступать на публике?

– Да я и не учился как-то специально, просто бабушка посоветовалась с моей классной, и они дружно решили, что меня нужно тренировать потихоньку-полегоньку. Я и не вникал особо, просто через пару лет вдруг обнаружил, что выхожу к доске без страха, не волнуюсь ни капельки. Оно как-то само произошло. Ну, конечно, это мне только казалось, что само, на самом деле бабушка и Клавдия Максимовна постарались.

– Два года... – задумчиво повторила Люся. – Не успею. До защиты две недели.

Орлову казалось, что озабоченная предстоящим Ученым советом Люся сразу забыла об этом разговоре, но ночью, уже засыпая, она вдруг повернулась к мужу.

– Саша, а дело-то чем кончилось?

Он, уже успевший задремать, даже не понял в первый момент, о чем речь.

– Ну, с братьями этими, Скитскими. Нашли настоящего убийцу?

– Нет, не нашли.

– Все равно замечательно, что Сенат отменил приговор и вернул дело на новое рассмотрение. Значит, там заседали люди, которым небезразличны интересы правосудия. Саш, а почему нам в школе и в университете все время говорили, что при царизме все было устроено так, чтобы гнобить простой народ и выгораживать правящий класс? Ведь эти братья – простые мелкие служащие, а Сенат за них заступился, хотя мог бы, в интересах корпоративной этики, поддержать решение суда.

В этом была вся Люся. Она искренне верила в советскую власть и полагала, что лгать может только слабый, а сильный правды не боится. Поэтому все предупреждения Орлова об осторожности в высказываниях на нее не действовали. Люся считала, что советской власти –

власти сильной и справедливой – ложь не нужна, и всегда ужасно удивлялась, обнаружив в идеологически выверенных постулатах какую-то неправду, которую юрист Орлова, вполне естественно, принимала просто за ошибку.

– Люсенька, милая, ну ты как ребенок, право слово, – рассмеялся Орлов. – Не вздумай где-нибудь публично поделиться своими крамольными мыслями. В твоей диссертации акценты правильно расставлены, ты молодец, а мысли свои держи при себе.

– Что, и даже тебе не говорить? – сердито спросила Люся.

– Мне – можно, но только мне. Больше никому. Если ты пообещаешь не вести нигде таких разговоров, я тебе расскажу, что говорил на этом заседании Сената обер-прокурор Случевский. Обещаешь?

– Ну конечно! – от возбуждения Люсенька даже включила бра над головой и приподнялась.

– Владимир Константинович сказал: «Приговор должен быть не только справедлив и согласен с действительностью по существу, но также должен и казаться справедливым для всех и каждого. Только удовлетворяя этому последнему требованию, судебный приговор в состоянии произвести то благотворное психологическое впечатление, наличием которого обуславливается сила уголовной репрессии в обществе. Только при наличии приговоров, способных создать в обществе уверенность, что суд осуждает виновных и оправдывает невиновных, устанавливается их высокое уголовно-политическое значение».

– С ума сойти! – выдохнула жена. – Это же нужно во всех учебниках приводить!

– Нельзя, – усмехнулся Орлов, – это было сказано при царизме, а при царизме все были неправы, в том числе и юристы Сената. Правы были только революционеры.

– Вот бы почитать всю речь Случевского, – мечтательно протянула Люся. – А где ты про это прочитал? Может, там и подробности какие-то есть?

– Не помню уже, – уклончиво ответил Александр Иванович, – я еще в школе учился, тогда мне в руки много разных книг попадалось, маме удалось сохранить часть библиотеки деда. Я все глотал, а названия и авторов не запоминал. Да и где теперь эти книги?

Он и сам удивился, что до сих пор помнит текст наизусть. Написанные быстрым острым почерком строчки стояли перед глазами, будто на фотографии. Корреспондент полтавской ежедневной газеты был командирован в Петербург для присутствия на заседании Сената и подготовки репортажей. Свои записи, сделанные на заседании, он бережно хранил в домашнем архиве, и вот эти-то записи и довелось увидеть... Почему они оказались у бабушки – для мальчика так и осталось загадкой, но он многократно тайком открывал заветную папку и перечитывал записи неведомого журналиста. Но нельзя же рассказать об этом Люсе. Нельзя. Люсенька любознательна и пытлива, она непременно начнет задавать вопросы, и, отвечая на них, Орлову придется все глубже и глубже увязать во лжи. Он вообще уже жалел, что так неосмотрительно завел разговоры о деле братьев Скитских. Не читала Люся о нем – и слава богу. Надо было промолчать.

1973 год

Никогда, ни разу за все годы, что Борис учился в школе, Александр Иванович не ходил ни на родительские собрания, ни на беседы с учителями. Собственно, никаких бесед и не было, родителей Бориса Орлова в школу не вызывали, а разговаривать с учителями по собственной инициативе Александру Ивановичу и в голову не приходило. Зачем? Парень нормально учится, нареканий по поведению нет. На родительские собрания ходила Люся, и то не каждый раз.

Когда вчера вечером Борька, пряча глаза, объявил, что родителей вызывают на педсовет, удивлению Александра Ивановича не было предела. Ну что, что мог натворить его сын? Стекло

разбить футбольным мячом? Ничего страшного. Подраться? Тоже не катастрофа, все пацаны дерутся. Курил в туалете? Нехорошо, конечно, но кто из мальчишек не пробует в этом возрасте. Если из каждого такого проступка устраивать педсовет и вызывать родителей, то учителям в классы некогда будет приходиться.

– И что ж ты такого сделал? – весело, не ожидая ничего особенно неприятного, спросил Александр Иванович.

Он был настроен вполне благодушно, вернувшись домой после судебного заседания, на котором огласили приговор, еще раз подтвердивший отличную репутацию адвоката: подсудимому, хотя и признанному виновным, назначили срок ниже низшего предела, приняв во внимание все представленные и подтвержденные защитой смягчающие обстоятельства.

– Ничего, – Борька с деланным равнодушием пожал плечами.

– Подрался?

– Нет.

– Стекло разбил?

– Ну ты что, пап... Какое стекло?

– Курил и попался?

Смугловатые щеки сына мучительно покраснели, но каким-то чутьем Орлов угадал: да, курил, это само собой, но не попался, и вызывают на педсовет совсем не за это. Что же тогда?

– Я на истории не так ответил.

Сердце Орлова на миг остановилось и тут же забилось болезненно и часто. Ну вот, допрыгалась Люсенька со своими архивными изысканиями. Ведь просил же, просил не говорить ничего сыну, и вообще ничего ни с кем не обсуждать, брать из материалов только то, что нужно для диссертации, более того, не просто «то, что нужно», а то, что можно подать в правильном ключе, все остальное отбрасывать и забывать. И уж ни в коем случае не рассказывать этого подростку, чей ум еще недостаточно окреп, чтобы понимать суровые реалии, в которых они сейчас живут.

Жена в этот момент на кухне готовила ужин. Первым побуждением Орлова было немедленно поговорить с ней, высказать все, что думает, и отругать как следует, но через пару мгновений он принял другое решение: он сам пойдет в школу. И Люсе пока ничего не скажет. По крайней мере, до тех пор, пока не выяснит, какова позиция учителей.

– Маме не говори, – строго велел он сыну. – И пока она на кухне, быстро рассказывай, что произошло.

Оказалось, что Борю Орлова вызвали к доске отвечать параграф о борьбе с неграмотностью и о заслугах советской власти в этой борьбе. И мальчик ответил совсем не то, что написано в учебнике, а то, что ему рассказала мама: к моменту Великой Октябрьской социалистической революции в деревне среди взрослого мужского населения в возрасте трудовой активности было 70 процентов грамотных, а в городах – 84 процента. Те же маленькие цифры, которые фигурируют в учебниках, получены искусственным путем, с учетом стариков, чья юность прошла в дореформенные годы, и малолетних детей. Дотошная и плавающая в цифрах, как рыба в воде, Люсенька даже показала Борьке с карандашом в руках, как и из чего получаются такие показатели. И еще добавила, что если взять данные из последней переписи населения и посчитать уровень грамотности с учетом всех подряд, в том числе новорожденных младенцев, то цифры тоже будут совсем не такими, как в газетах и учебниках, где говорится о сто-процентной грамотности населения страны. Борька и выдал все это на уроке. Даже взял мел и произвел для наглядности несложные математические расчеты. Правда, мать он слушал все-таки внимательно, поэтому ради справедливости и объективности добавил, что речь в данном случае идет только о мужчинах, а женщины до революции, конечно, испытывали трудности с получением образования, и в этом советская власть им очень помогла. Но все равно в учебнике

неправильно написано, что велась борьба с неграмотностью, надо было написать «с женской неграмотностью», это было бы точнее.

– Мальчики, мойте руки и за стол! – послышался голос Людмилы Анатольевны.

Орлов кинул на сына предостерегающий взгляд, Борька кивнул. Разрумянившаяся у плиты и ни о чем не подозревающая Люся весело кормила своих мужчин, подкладывала добавку, сетовала на то, что малосольные огурчики в этом году получились не такими вкусными, как в прошлом... Сын быстро поел и ушел в свою комнату делать уроки, отказавшись от чая. Александр Иванович молча пил чай с вареньем и белым хлебом, усиленно изображая погруженность в профессиональные мысли. Ему удалось взять себя в руки, успокоиться и ничего не сказать жене.

На следующий день он в указанное время явился в школу. Он совсем не представлял себе, какие у Борьки учителя, парень никогда о них не рассказывал, да Орлов и не интересовался. Наметанным глазом, привыкшим с одного взгляда делить присутствующих в зале судебного заседания на «ненавистников» и «сочувствующих», Орлов довольно быстро определил, кто из учителей к какому лагерю относится, и с огорчением констатировал, что «сочувствующих» было меньше. Слово взяла завуч, она же преподаватель русского языка и литературы в старших классах, и с негодованием поведала, как ученик 9-го класса «Б» Борис Орлов пытался на уроке истории опорочить политику советского государства в послереволюционный период. Выслушав ее краткий, но эмоциональный доклад, свое возмущение высказали еще две учительницы, не добавившие к сути сказанного ничего нового, из чего Орлов заключил, что на их уроках Борька ничего эдакого себе не позволял и добавит им «по существу дела» просто нечего. Уже легче. Он собрался было ответить в том духе, что примет меры и благодарен педагогическому коллективу за своевременное указание на недоработки в семейном воспитании, когда неожиданно слово попросил учитель истории, на уроке которого Борька и отличился, высокий, очень смуглый мужчина примерно одних лет с Орловым.

– Хочу сказать, что вина Бориса Орлова не так велика, как здесь подается, – сказал он низким, но каким-то скрипучим неприятным голосом. – Если кто и виноват, то скорее я. В теме, посвященной детским годам Владимира Ильича Ленина, я уделил значительное внимание заслугам его отца, Ильи Николаевича Ульянова, инспектора гимназий Симбирской губернии. Согласитесь, без описания гуманистической просветительской деятельности Ильи Николаевича представление о детских и гимназических годах жизни вождя было бы неполным. Я говорил ученикам о том, что за годы службы в Симбирске Илья Николаевич открыл по всей губернии двести пятьдесят школ, из них восемьдесят девять – для детей из семей нерусских народностей. Более того, он приложил огромные усилия к тому, чтобы школьное образование получали не только мальчики, но и девочки. При Илье Николаевиче девочки массово садились за школьные парты, а число учительниц женских школ достигло ста пятидесяти, а ведь их было совсем немного, буквально единицы. Борис Орлов творчески осмыслил полученную на уроке информацию и пришел к выводу, что при таких показателях по одной только губернии, к тому же за три десятка лет до Великой Октябрьской социалистической революции, вряд ли справедливо говорить о всеобщей неграмотности населения. Я убедительно прошу членов педсовета отнестись к Орлову снисходительно. Борис отлично успевает по всем предметам, это вдумчивый и старательный юноша, а то, что он неправильно осмыслил данную на уроке информацию и сделал из нее неверные выводы, является виной моей, и только моей.

«Ишь ты! – саркастически подумал Александр Иванович. – Сначала настучал директору на Борьку, а теперь всю вину на себя берет. С чего бы это?»

Орлов бросил выжидательный взгляд на директора – маленькую пожилую даму, очень морщинистую и очень живую.

– Спасибо, Леонид Аркадьевич, за разъяснения, – проговорила директор, и Орлов понял, что она старательно прячет улыбку. – Попрошу вас впредь быть внимательнее к материалу,

который вы даете ученикам на уроках, и снабжать фактические данные необходимыми комментариями, чтобы избежать, так сказать, разночтений в неокрепших умах.

– Да как это так можно! – взорвалась завуч. – Я не понимаю вашей либеральной позиции, Алевтина Никитична! Это вопиющее безобразие, а вы считаете, что оно должно сойти с рук?

«Так, все понятно, лагерь «ненавистников» возглавляется завучем, – бесстрастно отметил про себя Александр Иванович, – а лагерь «сочувствующих» руководит эта милая старушонка-директриса. Начинается битва гигантов».

К завучу мгновенно примкнула старшая пионервожатая, которая, к удивлению Орлова, тоже оказалась членом педсовета, и бурная дискуссия быстро переросла в свару, которую зычным голосом прервал учитель физкультуры, здоровенный молодой парень с фигурой тяжелоатлета, одетый в спортивный костюм.

– Уважаемые коллеги! Коллеги! Минуточку внимания!

Все разом притихли, половина учительниц уставилась на него смущенно и с некоторым даже, как показалось Орлову, трепетом, остальные молчали негодующе и сердито. Только директор Алевтина Никитична почему-то весело улыбалась.

– Слушаем вас внимательно, Дмитрий Олегович, – сказала она, подперев рукой подбородок.

– Я тоже хочу заступиться за Орлова, – заявил физкультурник. – Сам недавно был таким же, как он, пацаном и знаю, что в этом возрасте в голове черт знает что творится...

– Дмитрий Олегович! – директор укоризненно покачала головой. – Вы на педсовете, а не в кругу друзей, не забывайте.

– Да, извините, – миролюбиво отозвался учитель. – Короче, вы тут все меня поняли, от ошибок юности никто не застрахован, все их совершают, а потом вырастают в достойных членов общества. И я тоже ошибки совершал, но ничего, вон даже учителем стал. Я уверен, что Орлову уже и так понятно, что думать надо лучше, а если что неясно – спросить у тех, кто понимает. Вот пусть его отец пообещает, что будет давать правильные ответы на вопросы парня, и можно спокойно расходиться.

Теперь все уставились на Орлова, как будто до этого вообще не замечали его присутствия. Нужные слова были у Александра Ивановича заготовлены еще накануне, осталось только почувствованно произнести их, а потом выдержать шквал полагающихся ему упреков.

Педсовет закончился. В коридоре Орлов догнал быстрым шагом идущего историка.

– Леонид Аркадьевич, хочу поблагодарить вас за то, что вступились за Бориса. Я приму меры...

– Да что вы такое говорите, – историк расстроено махнул рукой. – Борис отлично мыслит, строго, последовательно, логично. Не дай вам бог испортить его. Просто объясните мальчику, что нужно быть осторожнее. Не все одноклассники любят его.

Он выразительно посмотрел на Орлова умными темно-кариыми глазами, и Орлов понял, что «стукнул» на сына не учитель, а кто-то из учеников. Ему стало неловко за свои недавние подозрения.

– У вас будут неприятности из-за Бориса? – сочувственно спросил Александр Иванович.

– А! – Историк снова махнул рукой, на этот раз беззаботно. – У кого их нет? Мне повезло родиться мужчиной, мужчин-учителей в наших школах берегут, мальчики в пединституты поступают неохотно, так что нас мало. Прежде чем налагать наказание на мужчину-учителя, в РОНО сто раз подумают: а вдруг уволится? Вашего сына любят почти все учителя, если не я – то кто-нибудь другой обязательно заступился бы.

– Почти? – Александр Иванович вопросительно приподнял брови.

– Вы наверняка и сами уже догадались. Русский и литература, наш уважаемый завуч.

– Что, Борька и у нее тоже?.. – с ужасом спросил Орлов.

– Пока нет, – успокоил его Леонид Аркадьевич. – Иначе об этом бы уже знал весь педколлектив. Но самостоятельность мышления вашего сына ее тревожит. Ни одного сочинения он не написал так, как рекомендовано учебником или рассказано на уроке. Борис не говорит ничего... ммм... ничего крамольного, просто говорит не то и не так, и это ее сильно беспокоит.

Они дошли уже до первого этажа и остановились перед входной дверью. За дверью, на улице, должен был ждать Борька.

– Что вы мне посоветуете? – беспомощно спросил Орлов, совершенно не понимающий, как реагировать на слова учителя и как теперь вести себя с сыном. – Поговорить с ним, поставить мозги на место?

– Я бы не стал с этим торопиться, – задумчиво ответил учитель истории. – Самостоятельность и независимость мышления – товар чрезвычайно ценный в наше время. Ценный, редкий, но и небезопасный. Если есть возможность его сохранить без ущерба для биографии... Впрочем, вы – отец, вам и решать. Был рад знакомству.

Мужчины пожали друг другу руки, и Орлов, уже сделав шаг к двери, вдруг снова остановился, чтобы задать мучивший его вопрос:

– Скажите, а вы действительно давали на уроке все эти цифры про деятельность Ульянова-старшего?

Лицо историка оставалось серьезным, но яркие блестящие глаза смеялись.

– А вы сомневаетесь? – весело спросил он и направился к лестнице, чтобы вернуться в учительскую.

Александр Иванович Орлов и в самом деле сомневался.

«В точности как в фильме «Доживем до понедельника», – с сердитым недоумением думал он, выискивая глазами сына, который должен был ждать в близлежащем сквере. – Умный и тонкий учитель истории и прямолинейно-идейная завуч-русичка. Во всех школах, что ли, такой расклад? Или в фильме показаны, как нас учили еще в школе, типические герои в типических обстоятельствах?»

Сына он обнаружил не в сквере, а на лавочке перед автобусной остановкой. Парень увлеченно читал книгу. Заметив, что подошел отец, Борька вскинул голову и с тревогой посмотрел на Орлова.

– Ну что? Исключают? Или из комсомола выгоняют?

– Обошлось на первый раз, – строго произнес Орлов. – Но давай договоримся, сын: не путать форму и содержание. Ты меня понял?

– Нет, – честно признался Борька.

– Думать ты имеешь право так, как хочешь, как считаешь правильным. Но излагать свои мысли нужно стараться так, чтобы к ним невозможно было придраться. Если ты хочешь нормально закончить школу, поступить в институт, получить образование и профессию, тебе придется этому научиться. Содержание остается на твоей совести, но форма должна быть безупречной. Если ты не знаешь, как этого добиться, обратись к маме. Наша мама – большой мастер по данному вопросу, можешь мне поверить. Я сам у нее учился.

Паренек молча кивнул и принялся запихивать книгу в портфель.

– Кстати, а что насчет вашего физрука? – спросил Орлов. – Я заметил, многие учителя к нему прислушиваются.

– Да ну! – рассмеялся Борька. – Он холостой и поэтому перспективный, и все наши училки, кто не замужем, смотрят ему в рот и хотят понравиться. А ты почему спросил?

– Он за тебя заступился, а учителя смотрели на него как на оракула. Теперь понятно, почему. А те, кто замужем, как к нему относятся?

– Эти – по-разному, – очень серьезно прокомментировал паренек. – Кто умный – те уважают Митяя, а кто дуры совсем, те, конечно, не любят. Ну, пап, понятно же все, чего ты спрашиваешь.

Орлов в очередной раз подивился тому, как быстро взрослеет сын. Всего пятнадцать, казалось бы, дитя еще неразумное, а вот, однако же, все замечает и даже анализирует. Впрочем, разве пятнадцать лет – это мало? Дик Сэнд – пятнадцатилетний капитан из любимого в детстве романа Жюль Верна. Да и Гайдар, как учили в школе, в четырнадцать лет командовал полком, хотя на самом деле Аркадий Голиков, впоследствии известный как Гайдар, полком командовал в семнадцать, а в четырнадцать был принят в партию с правом совещательного голоса. Хотя и семнадцать – тоже не возраст... Так что, может, напрасно он все еще считает Бориса ребенком?

«Ничего-то я в педагогике не смыслю», – огорченно вынес себе вердикт адвокат Орлов.

Глава 2

1975 год

Чувство мщения свойственно немногим людям; оно не так естественно, не так тесно связано с человеческой природой, как страсть, например, ревность, но оно бывает иногда весьма сильно, если человек не употребит благороднейших чувств души на подавление в себе стремления отомстить, если даст этому чувству настолько ослепить себя и подавить, что станет смешивать отомщение с правосудием, забывая, что враждебное настроение – плохое подспорье для справедливости решения.

Из выступления председательствующего А. Ф. Кони перед присяжными на судебном процессе по обвинению Веры Засулич

– Вера Леонидовна, Шаров вызывает, – сообщил звонкий девичий голос, доносящийся из телефонной трубки.

Вера вздохнула и встала из-за стола. Начальник Следственного управления Генеральной прокуратуры СССР Шаров снова требует отчет по какому-нибудь делу, находящемуся в производстве у следователя по особо важным делам Потаповой. Хоть бы сказал, по какому именно делу... Не тащить же с собой все. А в голове множество деталей и подробностей не удержишь...

Она быстро оглядела себя в зеркале, прикрепленном на дверце шкафа с внутренней стороны: короткие волосы лежат идеально, косметика не размазалась, кожа на лбу и крыльях носа не блестит. Правда, сегодня Вера не в прокурорской синей форме, а в гражданском костюме, но это не страшно, Шаров в отношении внешнего вида подчиненных всегда был демократом. Нет, что ни говори, а для своих сорока четырех лет Вера Потапова выглядит просто великолепно!

Руководитель Следственного комитета был хмур и чем-то раздражен, его широкое одутловатое лицо, плавно переходящее в толстые складки на шее, лоснилось от пота. Каждый раз, видя Шарова, Вера вспоминала свое первое знакомство с ним и улыбалась про себя: бывает же так! При необыкновенно отталкивающей внешности человек оказывался умным, профессиональным и очень приятным. Редко, но случается. И Евгений Викторович Шаров был именно таким.

– Садись, Вера Леонидовна, – буркнул он, не поднимая головы и не отрываясь от бумаг. – Не трясись, по делам спрашивать не буду. Дела передашь, твой начальник распишет сам, кому.

– Увольняете? – невольно улыбнулась Вера. – Чем я провинилась?

– В командировку едешь. В составе следственной бригады. Завтра утром вылетаешь.

– Куда?

– В Киев.

Сердце замерло на мгновение, потом Вере показалось, что оно стало словно бы пустым. Легким, как воздушный шарик, наполненный газом и оттого беспрепятственно подпрыгивающий прямо к горлу. Ей стало страшно.

– Почему? Что там, в Киеве?

– Там крупные хищения, – коротко ответил Шаров, по-прежнему не поднимая головы.

Все сотрудники знали, что Евгений Викторович обладает способностью одновременно вести беседу и работать с документами, не теряя смысловой нити, не сбиваясь и не путаясь, поэтому никто давно уже не обижался, если Шаров, разговаривая, не поднимал глаз.

– Почему Москва? – продолжала допытываться Потапова.

В самом деле, зачем нужно включать в бригаду следователей из Прокуратуры СССР, если хищения на Украине?

– Взятки, – по-прежнему кратко пояснил Шаров. – В Госплане и в союзных министерствах. Ну и еще кое-где.

При последних словах он все-таки оторвал глаза от бумаг, что у любого другого человека равнозначно было бы «возведению очей к небу». Иными словами – взятки где-то на большом верху, даже выше, чем в Госплане, упоминание о котором никакого подкрепляющего жеста не удостоилось. Ну, примерно понятно, где.

– Оперативная поддержка от КГБ? – спросила она.

– Само собой. Дело большое. Трудное. И есть указание.

– Понятно, – кивнула Вера. – Приказ уже готов? Кто старший?

– Ты.

– Евгений Викторович...

– Ты, – жестко повторил Шаров. – Ты лучший следователь по хозяйственным и финансовым делам.

– Но хищения же на территории Украины... – попыталась протестовать Потапова.

– Хищениями займутся украинские следователи. Наши будут вести только взятки, и только те, которые были получены московскими чиновниками. Ряд эпизодов имел место в Киеве и в Харькове, когда наши деятели наносили туда дружественные визиты, этими эпизодами тоже займутся киевляне, но вместе с нашими ребятами. Твое дело – общее руководство и московские эпизоды. Но придется ехать в Киев. Хотя бы для начала. Потом посмотрим. Взяткополучатели все здесь. Но взятодатели все там, на Украине.

Документ, изучаемый Шаровым, наконец закончился, Евгений Викторович перелистнул его до первой страницы и в верхнем углу размашисто начертал визу и подпись. Теперь его маленькие серые глазки в обрамлении припухших красноватых век смотрели прямо на следователя Потапову.

– Ты все поняла, Вера Леонидовна?

– Я все поняла, Евгений Викторович. Разрешите идти?

– Иди. Приказ возьми у девочек. Твой начальник уже в курсе.

* * *

Примерно через час ситуация стала более или менее понятной, и выводы Вере Леонидовне Потаповой совсем не понравились. Следственная бригада по делу о хищениях и взяточничестве создана в составе пяти человек: три следователя из Следственного управления Прокуратуры Украинской ССР и двое из Москвы. Второй московский следователь, коллега Веры, как выяснилось, улетел в Киев уже сегодня, а сам приказ о создании группы датирован вообще вчерашним числом. Почему же ее, Веру Потапову, поставили в известность только сейчас, а отправляют в Киев завтра, а не вместе с другим следователем? Она еще раз, склоняясь над плечом сотрудницы секретариата, внимательно посмотрела в текст приказа. Дата вчерашняя, а вот перечисленные в ней имена... Ее фамилии там не было. Вместе с коллегой в бригаду первоначально включили совсем другого следователя, очень опытного и уважаемого профессионала. А вот и второй приказ, уже сегодняшней, и в нем стоит имя Веры Потаповой. Почему произошла замена? Тот опытный следователь не может ехать? Заболел? Но Вера сегодня столкнулась с ним в коридоре, он был жив-здоров и даже улыбался.

Полтора минут размышлений вполне хватило на то, чтобы сопоставить необъяснимую замену следователя со словами Шарова: есть указание. Вера – женщина, а значит, легко управляема. Она сделает так, как надо, и не станет кочевряжиться. Если есть указание – она его выполнит и не поморщится. Целые сутки руководство Следственного управления судило-рядило, как обеспечить выполнение «указания сверху». Дело трудное и тонкое, сперва назначили действительно того, кто справится, у кого есть огромный опыт, потом подумали – и

поняли, что насчет выполнения указания с этим следователем могут возникнуть проблемы. Мужчина такого возраста, когда жилье он давно получил, а пенсии уже не боится... Как на него давить? А на Веру Потапову давить легко, и управлять ею легко, ей до пенсии еще далеко, а очередь на квартиру двигается медленно. В доставшейся ей после размена родительской квартиры «однушке» она уже дочь, считай, вырастила и в очереди стоит лет десять, не меньше.

Никто никогда не считал Веру упрямой и строптивой. Она была вспыльчивой, взрывной, по любому вопросу имела собственное мнение, которое непременно высказывала, но при этом легко соглашалась сделать так, как ее просят или «как надо», хотя обязательно говорила при этом:

– Хорошо, я сделаю, но вы должны знать, что я с этим не согласна.

Когда ее спрашивали, почему же она не настаивает на своем, если уверена в своей правоте, она только усмехалась: толку-то настаивать? Лбом стену прошибать? Она высказалась, позицию свою обозначила, дураков назвала дураками – и достаточно, дальше пусть как хотят. Хотят, чтобы было по-дурацки, – пусть делают. Друзья шутливо называли ее «Верка, которая всегда права», а сама Вера мысленно добавляла: «Но которая всегда поступает неправильно». Делай, что велят, и молчи, не сопротивляйся, иначе не выживешь. Эту простую истину она усвоила в детстве очень хорошо. Зато думать ты имеешь право так, как считаешь нужным.

Она всегда готова была уступить в поступках, но не во мнении. А мнение – это ведь ерунда, пустой звук, сотрясание воздуха. Главное – как человек поступает, что делает и каков результат. И поэтому на работе ее считали покладистой и управляемой. Наверное, так было бы и в этот раз, есть указание – готова исполнить, каким бы оно ни было. Но слово «Украина» будто прорвало плотину здравых рассуждений, на которых воспитаны советские люди и члены партии.

На Украине она не была ни разу с тех самых пор... Сколько бы ни звали ее на отдых в Крым – всегда отказывалась, хотя поехать на море и погреться на солнышке очень хотелось. Предпочитала Черноморское побережье Кавказа, автобусные туры по Золотому кольцу, поездки в Ленинград, пребывание на даче у друзей – да что угодно, только бы не ехать на Украину. Вера панически боялась самого этого слова. И еще больше боялась на Украине оказаться. Ей казалось, что как только она ступит на украинскую землю, она сразу умрет.

Так было легче. Легче не думать и не вспоминать. Легче правильно оценивать происходящее. И вообще – легче жить.

Ей нестерпимо захотелось хоть с кем-то поговорить об этом. Но с кем? Правду знает только муж, теперь уже бывший, он поймет ее страх. Не звонить же ему? У него новая семья, и с самого развода так повелось, что если Вера и звонит сама, то только когда что-то срочное, касающееся их дочери. Во всех остальных случаях бывший муж звонил первым. Но и это было редкостью, обычно все контакты осуществлялись через дочь.

Вера посмотрела на часы: половина шестого, он должен быть еще на работе, никогда раньше времени не уходит. Сняла трубку и набрала номер.

– Меня отправляют в командировку завтра утром, – сообщила она, стараясь говорить спокойно.

– Далеко?

– В Киев. Может быть, придется еще и в Харьков ехать.

В трубке зазвенело молчание, потом снова раздался голос мужа, теперь уже глуховатый и более мягкий:

– Сочувствую. Отказаться не можешь?

– Нет. На каком основании? Я же не могу никому ничего объяснить... Ты Танюшку контролируешь? Я могу застрять надолго.

– Может, пусть бы она у нас пожила? – неуверенно предложил бывший муж.

– Не нужно, она взрослая, студентка как-никак, у нее своя жизнь. Наверняка обрадуется, что меня не будет какое-то время. Просто чтобы глупостей не наделала... Я, конечно, буду звонить ей каждый день, но ты все-таки поближе.

– Конечно, не волнуйся, я прослежу.

Ничего особенного он не сказал, но после разговора Вере стало почему-то спокойнее. Ей всегда хотелось, чтобы хоть кто-нибудь, хоть одна живая душа знала, что она думает и чувствует на самом деле.

На сегодняшний вечер куплены билеты в театр, она собиралась пойти с очередным поклонником, которых у красавицы Веры Потаповой всегда было хоть отбавляй. Надо не в театр идти, а домой, закупить продукты хотя бы на первое время, чтобы Танюшка не голодала, приготовить еду дня на три-четыре, собрать чемодан... «Да пошло оно все! – с внезапным ожесточением подумала Вера. – Кого спасут эти продукты на неделю, если меня не будет как минимум месяц? И собраться можно завтра утром. У меня не тысяча нарядов, чтобы долго раздумывать. Два костюма – один на мне, второй в чемодан; пять блузок, пачка стирального порошка, белье, крем для лица – вот и все мои сборы, десяти минут хватит. Кипятильник и чай не забыть. Будильник. Тапочки. Ночная рубашка. Остальное или в гостинице найду, или в магазинах. Если завтра мне будет плохо, то пусть хотя бы сегодня будет хорошо. Татьяна – взрослая девка, сама справится».

Достав из сумки косметику, она ожесточенно навела красоту, сделав поярче глаза и губы, заперла кабинет и отправилась в театр.

* * *

В аэропорту «Борисполь» ее встретил симпатичный крепкий мужчина, назвавшийся Олесем, улыбчивый и любезный. Но эта улыбчивость и демонстративная вежливость Веру не обманули: цепкий взгляд, быстрые и точные движения при кажущейся внешней расслабленности и даже какой-то ленивости выдавали в нем оперативника. «Милицейский или комитетский?» – подумала она.

– Добро пожаловать в вильну Украину, – он легко подхватил ее чемодан. – Сейчас я вас отвезу в нашу гостиницу, вы устроитесь, потом поедем в прокуратуру.

На площади их ждала черная «Волга» с водителем.

– На Ирнинскую, – бросил оперативник, усаживаясь на переднее пассажирское сиденье.

– Красивое название, – заметила Вера, стараясь хоть какой-то, пусть самой пустяковой болтовней заглушить поднимающийся из середины живота прямо к горлу ужас.

– Это в честь Ирнинского монастыря назвали, – охотно пояснил пожилой водитель, – улица как раз через его бывшую территорию проходит. Правда, перед войной ее переименовали, сделали Жана Жореса, а потом снова старое название вернули. А то что это такое: улица Жана Жореса! Там рядом Владимирская, Малоподвальная, Золотоворотская, Паторжинского – все честь по чести, голос истории, можно сказать, и вдруг какой-то Жан Жорес! Ирнинская – зовсім же ж инша справа!

«Совсем же другое дело», – автоматически перевела Вера. Неужели она до сих пор помнит украинский язык? Лежал он себе под спудом столько лет... Оказывается, жив.

Водитель упомянул Владимирскую, а Вера знала, что на этой улице в доме 33 находится здание КГБ Украины. Значит, и гостиница комитетская. И опер этот тоже из комитетчиков. Она поежилась.

Доехали минут за сорок. Вера старалась не смотреть в окно, ей было страшно. И неудобно.

Серое четырехэтажное здание с портиком и колоннами на Владимирской, 33, выглядело неухоженным дворцом, совсем не похожим на мрачное, гладкое, какое-то вылизанное здание на Лубянке. Каменная кладка «рустика» напоминала Ленинград, и Веру чуть-чуть отпустило.

Проехав вдоль здания, свернули на Ирининскую. Девятиэтажная гостиница выглядела непримечательно, впрочем, как и все гостиницы МВД и КГБ, в которых Вере во время командировок довелось немало пожить.

– Ваш коллега, который вчера приехал, живет на одном этаже с вами, – радостно сообщил Олесь. – Вы устраивайтесь, мы подождем внизу, в машине, совещание в прокуратуре начнется через час, тут езды минут десять.

– А если пешком? – спросила Вера, любившая пешие прогулки.

– Отсюда до Резницкой километра четыре будет. Не успеете.

– Хорошо, – вздохнула она, – я постараюсь не задерживаться.

* * *

Вера Леонидовна Потапова вряд ли стала бы следователем по особо важным делам в Следственном управлении Генеральной прокуратуры СССР, если бы привлекала к ответственности и успешно доводила до суда исключительно мелких несунув или халатно исполняющих свои обязанности ночных сторожей. Она была тщательной и усидчивой, умела работать с документами и карьеру сделала на сложных многоэпизодных хозяйственных делах, разбираться с которыми мало у кого из следователей-мужчин хватало терпения. Однако опыт в ведении следствия по таким делам неизбежно повлек за собой и другое – отчетливое понимание реалий. Крупные хозяйственные руководители крайне редко были «сами по себе». Как правило, у них всегда находились заступники и поручители, которым нельзя было отказывать. Не потому, что трудно, а просто потому, что опасно для жизни и карьеры. У этой игры были свои определенные правила, Вера Леонидовна их быстро выучила и старалась не нарушать. «Главное – не привлечь к ответственности невиновного, – думала она, – а уж отпустить и оставить без наказания виновного – бог с ним, грех не велик, вон их сколько по улицам ходит, одним больше – одним меньше, ведь не убийца же, не бандит, не насильник, не грабитель, на чужую жизнь и здоровье не покушается. Ну, украл у государства, ну, живет богаче всех нас, но если я его посажу, моя собственная жизнь лучше и легче не станет». Вера никогда не была завистливой, и чужое благосостояние, равно как и чужая успешность, оставляли ее равнодушной и не вызывали того, что принято называть «классовой ненавистью». Она не жила общественными интересами и думала в основном о своей семье, своей работе, своей жизни и о себе самой.

Через два дня после приезда в Киев и ознакомления с материалами дела ей стало ясно: пресловутое «указание сверху» состоит в том, чтобы привлечь к ответственности крайних, «стрелочников», ни в чем, в сущности, не виноватых. Спустить столь громкое дело на тормозах уже невозможно, кого-то надо посадить. А тех, кто действительно виновен, сажать ну никак нельзя, это ж такие люди, такие посты занимают...

В первый же день вечером, когда она после совещания вернулась в гостиницу, к ней явился гость. С цветами, коньяком, конфетами и фруктами. Привел его к ней в номер тот самый московский коллега, который прилетел накануне. Вера моментально пришла в ярость, однако у нее хватило выдержки не сказать вслух то, что она действительно подумала. Она просто замахала руками и торопливо заговорила о том, что она с дороги, ей нужно принять душ и лечь, она очень устала и плохо себя чувствует, и вообще... Гость ретировался, а через несколько минут Вера в коридоре поймала коллегу, вышедшего из номера, чтобы попросить у дежурной заварочный чайничек.

– Свои вопросы решай по своему усмотрению, – сказала она твердо. – Но не забывай, что я – женщина...

– При чем красивая, – ухмыльнулся коллега, давно уже, хотя и безуспешно, подбивавший клинья к Вере.

– Я – женщина, – повторила она с каменным лицом, – и не смей ни сам приходить ко мне в номер, ни тем более приводить кого-то. Для тебя открыт весь мир, кроме маленького кусочка за моей дверью. Ты меня понял?

Коллега фыркнул, кивнул и резво потрусил к столу дежурной, которая с нескрываемым любопытством наблюдала за ними.

На следующий вечер Вера решила в гостиницу после работы не идти, а прогуляться. Ей хотелось убить одновременно двух зайцев: подумать о материалах дела и избежать попыток вступить в дружеский контакт. Ей по-прежнему было очень страшно от одной только мысли, что она находится всего в нескольких сотнях километров от тех мест. От той жизни. От тех воспоминаний. Но осознание, что из нее пытаются сделать марионетку, которая должна добиться осуждения невиновного, приводило ее в такое бешенство, что страх, казалось бы, отступал. «Врага надо знать в лицо, – твердила себе Вера Потапова, – мои воспоминания и страхи – мои враги, надо ходить по улицам, рассматривать дома и людей, чтобы в голове все улеглось, чтобы пыль воспоминаний осела и оказалось, что это другая жизнь, не та. Это другие люди, не те. Это другая Украина».

Выйдя из здания на Резницкой, она отправилась по улице Суворова до метро «Арсенальная», оттуда – до Крещатика, постояла на площади Октябрьской Революции, по Крещатику дошла до Владимирской. Прогулка заняла почти три часа, ноги гудели, зато уже без малого одиннадцать, и можно было безбоязненно возвращаться в номер без риска быть поставленной в сложную ситуацию.

За первые несколько дней Вера Леонидовна, садясь в метро на «Арсенальной», «Печерской» или «Кловской» и доезжая до какой-нибудь станции, обошла множество мест: от станции метро «Тараса Шевченко» до Почтовой площади и от Бессарабской площади до Тургеневской улицы. Бессарабская площадь снова напомнила ей Ленинград, магазин «Хлеб» на Нижнем Валу поразила ее тем, что круглые буханки черного хлеба были свалены кучей прямо в витрине; храм на улице Академика Зелинского порадовал своей белизной, стоящая на улице очередь в гастроном на Константиновской напомнила Москву, бабушка, идущая по Контрактовой площади с вязанкой из пяти «Киевских» тортов, заставила улыбнуться и с удовольствием подумать о чае с тортиком, а вот двор одного из домов, куда она забрела, просто задумавшись, без всякой цели, навял воспоминания об одном черноморском городе, почему-то считавшемся «курортом»: и во дворе, и в том городе царили неустроенность и разруха.

Длительные прогулки внесли успокоение в душу, уняли страх и придали уверенность: она не нарушит правил игры, но и обращаться с собой, как с тряпичной куклой, никому не позволит. Да, сегодня она еще плохо представляет, как и что нужно сделать, чтобы не допустить осуждения невиновных, но в том, что она, Вера Потапова, этого не допустит, можно было не сомневаться.

Проведя еще полдня за изучением всех материалов, она вызвала к себе Олесь.

– Что ты можешь рассказать о Завгороднем? – спросила она.

– Ничего особенного, – Олесь пожал плечами, туго обтянутыми светлой сорочкой. – Обычная семья: жена, двое детей, живут в «двушке» на Борщаговке, так что сами понимаете. Лишних денег в семье точно нет. Вернее, они есть, деньги-то, только Завгородний их никому не показывает, не тратит... Под матрасом хранит, наверное.

Голос у Олесь, произносившего последние слова, стал напряженным. Слух Веры безошибочно уловил эту перемену: сначала капитан говорил свободно и выразительно, а под конец модуляции исчезли, и речь стала какой-то механической. Он говорил не то, что думал, а то, что должен был сказать. Значит, Вера не ошиблась, спущенное сверху «указание» касалось в том числе и Завгороднего.

– А какая связь между Борщаговкой и отсутствием денег? – не поняла Потапова.

– Район не престижный. Вот если бы он жил на Артема или на Печерске в районе бульвара Леси Украинки, да еще в кооперативном доме, тогда я бы заподозрил неладное. А так... Ничего у них не было до недавнего времени: ни денег, ни связей. Вот Завгородний и ввязался в хищения, чтобы денег собрать и жилищные условия улучшить. А вы почему спросили? Там же все понятно. Начальник цеха, участвовал в создании товарных излишков и в хищениях, по вашим эпизодам – непосредственно передавал взятки помощнику заместителя министра. Все чисто.

И снова – начало фразы произнесено самым обычным тоном, вторая же половина – с напором и деланным спокойствием.

Вера Леонидовна достала из сейфа бланки повесток.

– Хочу допросить жену Завгороднего. Отвезите ей повестку, лично вручите, пусть завтра придет, – сказала она, не глядя на Олесью.

– Зачем?

Вот она, прекрасная правда жизни! В государстве, где во главе всего стоит КГБ, оперкомитетчик смеет задавать следователю прокуратуры подобные вопросы. Что ж, таковы правила игры. Вера, разумеется, постарается сделать все по-своему, однако в нарушении этих самых правил ее никто не должен иметь возможность упрекнуть.

Она аккуратным почерком тщательно заполнила бланк повестки, протянула Олесью, посмотрела на него весело и невинно, словно ничего особенного не происходило.

– Ну как зачем? Посмотрю, как она одета, как выглядит, поговорю о семейном бюджете. Если ее муж участвовал в хищениях, это должно где-то выплыть. Товарищ капитан, вы же прекрасно понимаете, что дело у нас с вами не простое и материалы, которые лягут в основу обвинительного заключения, должны быть безупречны. Дело вызывает пристальное внимание в инстанциях, а обвинений в недостаточном профессионализме мне хотелось бы избежать. Думаю, что и вам тоже.

Олесь молча взял повестку и вышел.

* * *

Жена начальника цеха крупного завода, Мария Станиславовна Завгородняя, пришла намного раньше указанного в повестке времени и терпеливо ждала внизу, когда за ней кто-нибудь спустится и проведет к следователю Потаповой. Модница Вера с первого же взгляда оценила далеко не новый костюм из джерси, темно-синий с белыми полосками, она и сама такой носила лет восемь-десять назад, да в них пол-Москвы ходило. Туфли тоже были старыми, но видно, что владелица носила их бережно и ухаживала тщательно. Похоже, в семье действительно лишних денег нет, и связей тоже нет, ибо где связи – там блат, без которого хороших вещей не купишь. Или Мария Станиславовна специально достала из закровов старье, которое пожалела в свое время выбросить или отдать? Известная уловка, дабы произвести на следователя нужное впечатление: мол, не ворует, живем скромно, копейки считаем. Были у Потаповой такие дамы-подследственные, были, повидала она их: дома шкафы ломились от шуб и импортных платьев, а на допрос в прокуратуру являлись в специально припасенном дешевеньком и простеньком одеянии. Впрочем, Мария Завгородняя все-таки постаралась «выглядеть» перед столичным следователем и повязала на шею газовую косынку, хорошо сочетающуюся по цвету и с костюмом, и с оттенком теней, нанесенных на веки. Вере даже показалось, что под косынкой виднеется приколотая к костюму брошь.

На вопросы Завгородняя отвечала коротко и скупно: да, муж участвовал в даче взятки, ей очень стыдно и очень жаль, что он проявил слабость и повел себя не так, как должен вести себя настоящий коммунист и советский человек, она осуждает его поступок. Плечи напряжены, глаза в пол. «Лжет, – подумала Вера, занося в протокол очередной ответ Марии Станисла-

вовны. – Выдает мне хорошо вызубренное вранье. Поэтому такое напряжение: боится сбиться. И фразы поэтому куцые, она не рассказывает, а повторяет заученное».

– Муж отдавал вам деньги, которые получал за участие в хищениях? Вкладывал их в семейный бюджет?

Завгородняя отрицательно покачала головой.

– Нет.

– Но он сказал, сколько было этих денег?

– Нет. Я вообще не знала о них, пока Славу не арестовали. Мне потом следователь сказал, что он... Ну, что он расхититель и взяточник.

– Что еще вам сказали? – осведомилась Вера, внутренне собираясь.

Она знала, как правильно задавать вопросы. Под безличной формой глагола «вам сказали» подразумевалось: сказал не только следователь. Это могло сработать.

И оно сработало. Мария Завгородняя поведала, как ее муж придумал и осуществил схему создания излишков и как искал потом тех, через кого эти излишки можно реализовать, и как давал взятки московским чиновникам. Теперь Вере стало совершенно понятно: мужа и жену Завгородних вежливо, но аргументированно попросили «взять все на себя». И тщательно проинструктировали, чтобы в их показаниях было все необходимое для нужной квалификации преступления и не было ничего лишнего, что позволило бы привлечь к ответственности не тех, кого нужно и можно.

– Каков метраж жилой площади в вашей квартире? – спросила Потапова.

– Тридцать два метра.

– Проживаете вчетвером?

– Нас пятеро. Мы со Славой, детей двое и еще мама моя. Только она не прописана у нас.

– Почему не улучшаете жилищные условия? В профкоме нам дали сведения, что ваш муж не стоит в очереди на квартиру.

– Как – не стоит?! – ахнула Мария Станиславовна. – Он должен стоять... должен быть в списках очередников... Уже скоро совсем...

– Давно он стоит в этой очереди? Сколько лет? – коварно спросила Вера, получив еще одно подтверждение своей догадке.

Завгородняя молчала, не поднимая глаз. Все понятно.

– Что же, Мария Станиславовна, получается, обманули вас, да? – участливо заговорила Вера. – Из профкома завода пришла обстоятельная бумага, в которой следствию объяснили, что первоочередным правом на улучшение жилищных условий пользуются те, кто живет в бараках и в аварийном жилье, подлежащем сносу. И предпочтение отдается именно рабочим, а не служащим, причем желательно – членам партии. Ваш супруг в партию вступил поздно, почти в сорок лет, в жизни парторганизации завода активного участия не принимал, общественной работой не занимался. Жилье у вас тесное, но не аварийное и не в бараках. И вам в постановке в очередь на улучшение жилищных условий отказали. Ведь так?

Снова молчание. Взгляд женщины по-прежнему устремлен в пол, но плечи и спина стали еще более напряженными.

– А потом вам пообещали, что вставят вас в эту очередь, причем поближе к началу, и новую квартиру вы получите уже совсем скоро. Сначала пообещали, а потом и заверили, что все сделано, все бумаги подписаны, вы находитесь в первой «десятке» или «двадцатке» очередников и получите квартиру в первом же новом доме, в котором заводу будет выделена квота. Конечно, и здесь будут определенные трудности, ведь если начальник цеха получает срок и сидит, кто ж ему квартиру даст? Его нужно из очереди немедленно выкинуть. Но можно задействовать связи в горкоме и горсовете и договориться, что предназначенную вашей семье квартиру отдадут кому-то из очередников другого предприятия или другого района, а взамен

ваша семья получит новое жилье, только не от завода, а от города. Схема отработанная, ее по всей стране применяют. И вы поверили. Правильно?

Мария Станиславовна вскинула голову, по щекам ее текли быстрые обильные слезы, оставляющие разводы и полосы от растекающейся черной туши и серо-синих теней. Губы в розовой помаде дрожали и некрасиво кривились.

– Этого не может быть, – проговорила она сквозь слезы. – Мы должны быть в очереди... Как же так... Сын в следующем году школу заканчивает, ему в институт поступать... Не может быть!

– Значит, и с институтом помочь обещали, – констатировала Потапова. – Что же получается у нас с вами, Мария Станиславовна? Почему ваш муж пошел на это безобразие? Почему дал себя уговорить? Из-за квартиры? Из-за института для сына? А может быть, обещали и материально помогать вашей семье, пока он будет сидеть за чужие грехи? Или ему чем-то угрожали?

Завгородняя решительно тряхнула головой и машинально промокнула лицо кончиками косынки. Снова мелькнула брошь на лацкане костюма, но рассмотреть ее Вера не успела. Синтетическая ткань косынки ничего в себя не впитала, только размазала черно-синие потеки еще больше. Но женщина, казалось, не думала об этом. Заметив испачканные концы, она просто сдернула косынку с шеи и стала комкать в руках, нимало не озаботившись своим лицом.

– Чем нам можно угрожать? Только тем, что до старости будем ютиться впятером на этих метрах в доме без лифта, и тем, что сын в армию пойдет, – горько произнесла она. – А если сын женится и дочка замуж выйдет, да детки пойдут – вообще непонятно, как мы выживем все вместе. Придется нашим детям не по любви жениться, а по расчету, чтоб жилье какое-то было. И будут всю жизнь несчастными. Что хорошего? Слава всегда старался все для семьи, для детей... Он на все готов пойти, только бы мы уже начали жить, как нормальные люди.

– Не на все, – мягко возразила Потапова. – На хищения же он не пошел. И на взяточничество. Или все-таки пошел?

– Да он не знал ничего! – почти выкрикнула Мария Станиславовна. – Все за его спиной делали! То есть он догадывался, конечно, начальник цеха же не может не знать, что у него в цеху творится, но он с этого ни копейки не имел! Ни копейки! Ему приказывали – он выполнял. Надеялся, что если будет послушным и промолчит, то квартиру дадут. Ну и понимал, конечно, что если откажется, так и уволить могут, и под статью подвести. Будто вы не понимаете, как это делается! Они сами все эти дела проворачивали. Потом давали ему бутылку водки или коньяка в подарочной коробке и корзинку с фруктами, мол, отвези в гостиницу нашему гостю, он и возил, откуда ему было знать, что в коробке не только бутылка, но и пачка денег! А потом пришли и сказали: возмешь все на себя – будет и квартира, и институт для сына, и деньгами поможем. Не возмешь на себя – найдем другого, кто возьмет, но только ты уже ничего и никогда не получишь, и в военкомат команду дадим, чтобы сына твоего в самую страшную дыру служить отправили.

Она опять расплакалась. Вера достала из сумки платок, хотела протянуть его жене Завгороднего через стол, но взгляд ее снова упал на брошку, которую теперь ничто не прикрывало. В груди болезненно кольнуло, Вера прищурилась, но видно все равно было плохо. Близорукость. Красивую оправу нигде не купить, а если попадалось в магазине что-то более или менее пристойное, то обязательно оказывалось, что по расстоянию между центрами зрачков не подходит. Глаза у Веры Леонидовны поставлены близко, и по параметрам ей подходили только детские оправы, смешные и нелепые. Она много раз пыталась договориться с оптиками, но ответ получала один и тот же: мы стекла не центруем, вставляем такими, какие они есть. Однажды Вера рискнула и заказала очки в довольно симпатичной «мужской» оправе, имевшей лишних 6 миллиметров. Через несколько минут ходьбы по квартире в новых очках у нее закружилась голова, затошнило, заломило в висках, потом в затылке. Она потратила месяц на то, чтобы

постараться привыкнуть, и поняла, что затея эта бесполезна: кроме жутких головных болей и дискомфорта толку не было. В конце концов, читать и писать близорукость не мешала. А вот номер автобуса можно было определить только тогда, когда он уже останавливался у тротуара.

Плохо понимая истинные движущие мотивы своего поступка, прислушиваясь только к разливающейся боли в груди, Вера Леонидовна встала из-за стола и подошла вплотную к плачущей свидетельнице. Та взяла протянутый следователем платок и принялась отирать щеки и глаза.

Брошь. Точно такая же. Господи, как же больно...

– Красивая брошь, – сказала она, вернувшись на свое место. – Антиквариат?

– Не знаю, наверное. Это Слава подарил мне на рождение сына, сказал, что от его бабушки осталась. Купить такую мы не смогли бы, дорого очень. Единственное украшение у меня. И обручальное кольцо еще. Сережки мама подарила на восемнадцатилетие, золотые, с рубинами, но мы их продали, когда Славе нужно было после операции черную икру кушать, врачи посоветовали. А где ее возьмешь? В магазинах нету, пришлось у спекулянтов брать, с большой переплатой, вот денег за сережки как раз хватило, чтобы Славу выводить.

Вера вспомнила паспортные данные Марии Завгородней, которые сама же час тому назад вписывала в «шапку» протокола допроса: родилась в 1934 году во Львове. А ее муж – уроженец каких мест? Можно, конечно, достать из сейфа дело и посмотреть. А можно просто спросить. Господи, как же страшно...

– Вы сами из Львова. А ваш супруг откуда? Тоже львовский уроженец? Или киевлянин?

– Он из Черниговской области, из Прилук...

Завгородняя говорила что-то еще, но ее слова доносились до Веры как сквозь вату. Слово «Прилуки» накрыло ее плотным колпаком невыносимого отчаяния, поднявшегося из глубины детских воспоминаний.

Брошь. Не «точно такая же». Та же самая.

Вера Леонидовна не могла оторвать взгляд от украшения на костюме Марии Станиславовны. Та расценила этот взгляд по-своему, торопливо расстегнула булавку и протянула брошь следователю.

– Возьмите, пожалуйста, возьмите, только Славу не сажайте, он не виноват ни в чем, – бормотала Завгородняя, протягивая брошь.

«Не прикасайся к ней, – скомандовала сама себе Вера Леонидовна, – не трогай, не смей».

И тут же поняла, что руки сами взяли украшение и поднесли поближе к глазам. Изящная работа – букет маргариток, розовых и фиолетовых, золотые резные листочки, такие миниатюрные, что не верится, будто сделаны человеческими руками. Вот здесь не хватает самого маленького камешка, он выпал, когда бабушка Рахиль выронила из дрожащих рук на пол мешочек с ценностями. Из мешочка выкатилась брошка, десятилетняя Верочка тут же схватила ее и зажала в кулачке. Брошка была самой любимой из всего, что хранилось в бабушкином мешочке, она казалась Верочке такой красивой, такой невероятной, такой «из другого мира»! Девочка могла часами рассматривать ювелирное изделие, она знала каждую царапинку на нем, каждый камешек. И конечно же, знала и могла в любой момент воспроизвести надпись на непонятном языке непонятными буквами. Однажды Вера спросила у бабушки, что означают эти буквы и почему они такие странные, и бабушка Рахиль ответила, что это иврит, а слово означает «На память».

Но бабушка увидела, что девочка взяла брошку, и строго велела положить ее назад в мешочек. Вера тогда успела заметить, что крохотный камешек выпал из одного цветка и закатился в угол, но ничего не сказала бабушке, приняв такое детское и в то же время недетское решение: сейчас надо промолчать, а потом найти камешек и сохранить, потому что это же часть любимой брошки, и можно будет считать, что это вся брошка целиком.

Но найти камешек Верочка уже не успела...

Все царапинки, которые она помнила с детства, были на месте. Правда, и новые прибавились. Видно, что брошку носили все эти годы. И надпись не исчезла, все те же волнистые угловатые буквы. «На память».

– Берите, Вера Леонидовна, – доносился до нее умоляющий голос Завгородней, – только помогите Славе, он же ни в чем не виноват, он ни копейки не взял...

Вере удалось совладать с собой и вынырнуть из-под колпака.

– Вы с ума сошли, – строго проговорила она, положив брошь на край стола. – Вы хоть понимаете, что это взятка? Заберите немедленно. Все, что должно быть сделано по закону, будет сделано. Следствие во всем разберется. Давайте повестку, я подпишу, и можете идти. Но я вызову вас еще не один раз.

Руки Марии Станиславовны тряслись так, что совладать с булавкой она не смогла и после нескольких безуспешных попыток просто сунула брошь в сумку.

Оставшись одна, Вера Потапова заперла дверь кабинета изнутри, открыла сейф, достала материалы дела, нашла протокол «избрания меры пресечения в виде заключения под стражу». Там же лежала и фотография Вячеслава Завгороднего, начальника цеха крупного спиртового завода, арестованного по обвинению в хищениях и взяточничестве в особо крупных размерах. Статья расстрельная.

Он? Или не он? Прошло больше тридцати лет, тогда он был мальчиком лет двенадцати, сейчас это солидный мужчина «за сорок». Как разглядеть в нем черты того пацаненка, бежавшего рядом с колонной евреев из гетто, которых вели на расстрел, и торжествующе кричавшего: «Так вам и надо! Кончилась ваша власть! Чтоб вы сдохли, жида проклятые!» В смертной колонне шли бабушка Рахиль, ее младшая дочка Розочка, совсем подросток, хотя и приходилась Вере теткой, и трехлетняя Леночка, дочь бабушкиной старшей дочери, тети Сони. Отец Веры, Леонид, был средним сыном бабушки...

Вера многое забыла из того страшного военного времени. Но этот мальчишка из памяти никак не стирался. И простить его она не могла. Потом, на следующий день, она увидела мальчишку еще раз. Он играл во дворе дома, где жила та женщина. Та, которая обманула и предала. Наверное, мальчик был ее сыном.

И вот мальчик вырос. Закончил школу, получил высшее образование, стал начальником цеха. Даже в партию вступил, хотя по всей биографии заметно, что не сильно-то он этого хотел, просто понимал, что дальнейшего продвижения по службе без членства в КПСС не будет, и в очередь на получение нового жилья его, беспартийного, не поставят, будут отказывать под любыми благовидными предлогами. Женился, обзавелся детьми. По случаю рождения сына подарил жене брошь, которую получил от матери. Соврал, что от бабушки. Или это мать его обманула? Сказала, что брошь бабушкина, утаила от сына, откуда на самом деле взялось украшение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.